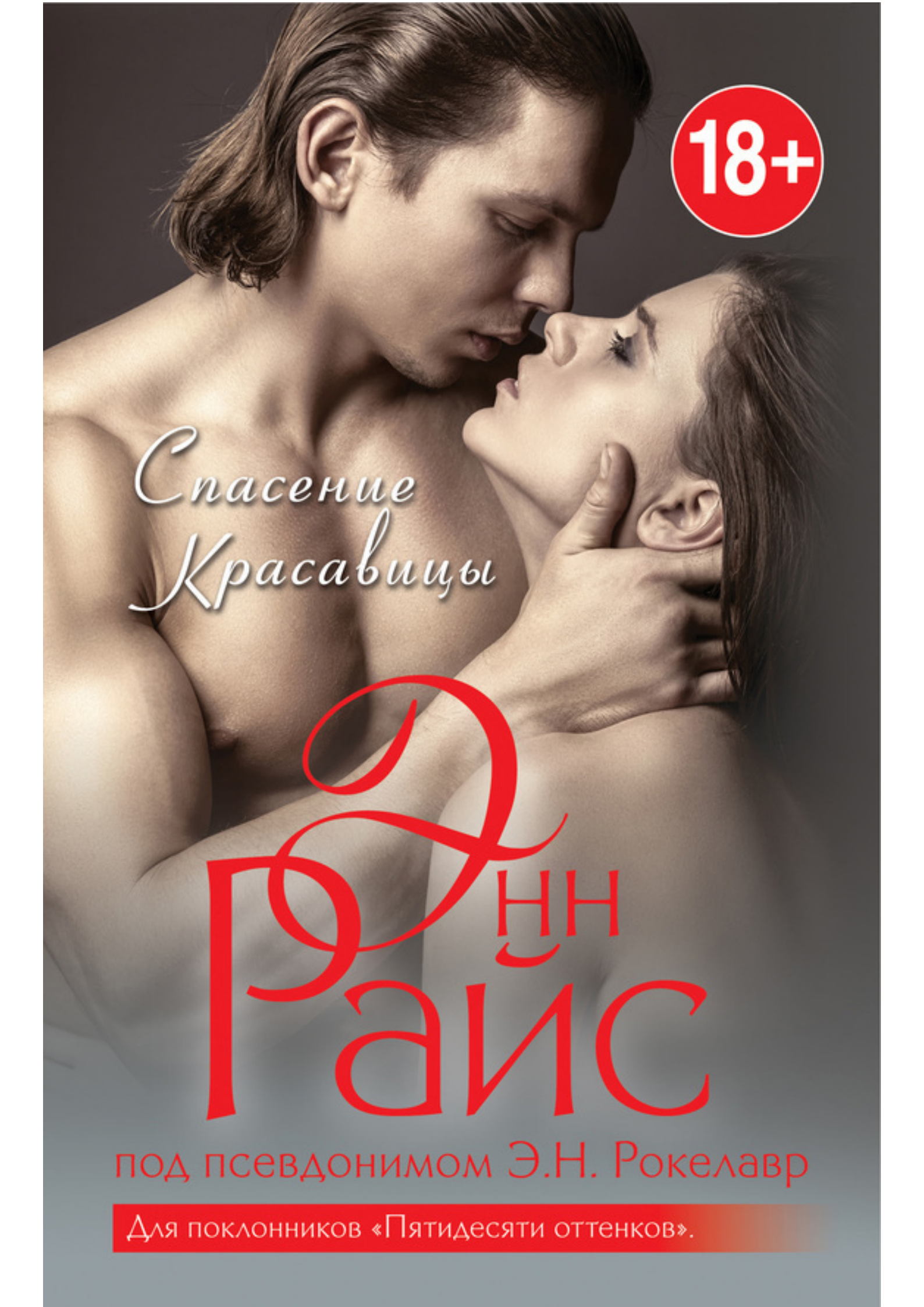

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, leaning towards the woman on the right. They are both looking at each other with soft expressions. The lighting is warm and intimate, highlighting their profiles and the texture of their skin. The background is a soft, out-of-focus grey.

18+

*Спасение
Красавицы*

Энн Райс

под псевдонимом Э.Н. Рокелавр

Для поклонников «Пятидесяти оттенков».

Спящая Красавица

Энн Райс

Спасение красавицы

«ЭКСМО»

1983

Райс Э.

Спасение красавицы / Э. Райс — «Эксмо», 1983 — (Спящая Красавица)

«Я предложила читателям все то, чего не смогла найти сама: легкие штрихи, изящество, аккуратность; воображаемое королевство, этакую фантасмагорию, в которой люди обнаруживают свою потребность в сексуальной покорности и «прикидываются», будто некто, великолепный и неотразимый, их к этому принуждает», — пишет автор в предисловии к своей трилогии. Добро пожаловать в изысканный, чувственный мир, созданный Энн Райс. Мир, где нет преград для исполнения любых, даже самых смелых, желаний.

© Райс Э., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

Предисловие автора	6
Предыстория	9
Пленники на море	11
Воспоминания о замке и городке	16
Через город во дворец	23
Проверка в саду	33
Загадочный господин	39
Обычай очищения	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Энн Райс

Спасение красавицы

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие автора

Мне всегда нравилась сказка о Спящей Красавице, в ней я видела некую эротическую суть: Принц будит Красавицу поцелуем. Я подумала: отлично, а что, если он раскроет, выведет из тени мир извращенных желаний, перед которыми, однако, невозможно устоять? Следует помнить, что в романах а-ля садомазо вроде трилогии о Красавице читателю предлагается вообразить себя на месте раба. Подобные книги отнюдь не пропагандируют жестокость. Нет, они как бы говорят: представьте себя на месте подчиненного, покоритесь и получайте удовольствие от секса. В своем сладостном рабстве Красавица полностью раскрепощается, отстранившись от собственной личности, забыв гордыню. На этот каркас вполне удачно получилось посадить сюжет старой сказки. И разумеется, сказка уводит нас от реального мира, от мрачных заголовков газет, насилия и страшных преступлений. Мы словно попадаем в мечту, утопая в прелести которой вольны воображать что угодно. Воистину сказка!

Под своим настоящим именем я писала одни книги, под псевдонимом Рокелавр (даже взяв свои инициалы) – совершенно другие. Книги Энн Райс своего рода пряные блюда, книги Рокелавр тоже острые; кому-то они могут показаться даже чересчур острыми. Не люблю смущать или разочаровывать читателя, и псевдоним в этом здорово помогает. Впрочем, есть люди, которые прочли все мои произведения, включая написанные под именем Рокелавр, и считают меня многогранным автором. Однако книги Рокелавр – это эротика, и на обложке просто обязан стоять псевдоним. Хотя бы затем, чтобы люди поняли: Энн Райс представляет нечто совершенно новое.

Псевдоним позволил писать свободно, без оглядки на мораль и собственные предубеждения. Псевдоним будто плащ, он скрывает тебя как автора и как автору дарит изысканные ощущения. К тому же мой отец еще был жив, и я не хотела огорчать его... как и остальных близких. Собственная разгулявшаяся фантазия меня порой пугала. Впрочем, в этом я находила особое удовольствие. В конце концов, я, конечно, рассказала об эротических книгах отцу и попросила не читать их. Рассказала о них всем, даже свое имя поставила на обложке, но... не раньше, чем закончила трилогию.

Псевдоним позволяет не просто скрыть от семьи и друзей, о чем пишешь, он дарует новую степень свободы – свободу делать то, чего бы ты никогда не сделал. Я, признаться, подумывала сочинить новую эротическую историю, уже под другим псевдонимом. Не знаю, претворю ли затею в жизнь, но писательская свобода очень притягательна.

В самом начале трилогия о Красавице была подпольным чтивом. Она получила поддержку мейнстримовских издателей, ей даже обеспечили достойное оформление, однако выпустили тихо, без помпы. Впрочем, своего читателя книги нашли быстро, ибо адресованы они молодым людям, опытным супружеским парам, геям и натуралам и продавались всегда стабильно и хорошо. Ко мне за автографами подходили мамочки с колясками и, хихикая, признавались: «Обожаем ваши «грязные» книги». Если честно, подписать трилогию о Красавице приходят люди всех возрастов.

В чем секрет ее популярности? Причины две.

Во-первых, они не содержат сцен откровенного, грубого насилия. На самом деле в них показаны игры: никого не режут, не клеймят и уж тем более не убивают. Сами игры в духе садомазо представлены как элитная забава, имеющая место в роскошных покоях, и в ней участвуют красивые люди, очень привлекательные рабы. Забав и тем для игр бесчисленное множество, знай себе наслаждайся. Герои словно помещаются в парк развлечений, где им предлагают опробовать различные фантазии, покориться прекрасной женщине или мужчине, испытать острые ощущения без риска для жизни. По-моему, получилось очень даже аутентично – те, кому нра-

вятся такие фантазии, оценят. Я не жалела красок и деталей, плюс поместила действие в сказочный антураж.

К сожалению, есть авторы, которые пишут порнографию без любви, топорно и скатываются в «чернуху», полагая, что именно этого читатель и ждет. На самом же деле подобное читиво никогда не было востребовано.

Ну, и вторая причина популярности трилогии о Спящей красавице – неприкрытая эротика. Эротика в полном смысле этого слова, горячая, крепко заряженная. До моих книг многие женщины читали то, что называется дамскими романами, помечая в них редкие «пикантные моменты» закладками. Я же сказала: а вы вот это попробуйте. Вдруг понравится? И не надо будет отмечать «пикантные моменты», потому что пикантна вся книга. От корки до корки она наполнена сексом, каждая страница призвана доставить вам удовольствие. В ней нет скучных мест. По-моему, это и завоевало трилогии популярность.

Многие люди мечтают отдаться во власть прекрасного мужчины или женщины, который силой раскрыл бы в них самих источник наслаждения. Такие мечты свойственны всем, невзирая на общественное положение или пол, мужчинам – не менее, чем женщинам. Эта трилогия представляет различные комбинации: здесь женщины доминируют над мужчинами и женщинами, мужчины доминируют над мужчинами и женщинами. В книгах много ярких и разнообразных сцен, они переплетаются в живой истории, пронизанной атмосферой роскоши и чувственности. Они описаны детально и в сказочном духе.

Еще я попыталась представить, как мыслят участники садомазо игр. Сказочные персонажи очень подробно и в красках описывают свои ощущения и переживания. Подозреваю, что для многих исследование их разума стало откровением.

Кто знает, может, именно такое сочетание ключевых элементов трилогии и снискало ей огромную популярность. Сама я подобного нигде не встретила, поэтому смешала легкость, утонченность, точность, сказочность и мечту, где стремление людей отдаться и «притвориться», будто их «принуждают» к эротическим играм.

Психиатры написали целые тома по психологии садомазо, но когда я сочиняла трилогию о Спящей Красавице, то не нашла ни единой книги, которая увела бы меня в мир эротических фантазий, какими они виделись мне. Поэтому я просто создала книгу, какую хотела бы прочесть.

Никогда не думала, что эксцентричная книга вроде «Интервью с вампиром» обретет массовый успех. Я лишь хотела рассказать историю от лица самого вампира, забраться к нему в голову, в сердце и раскрыть его внутренний мир, показать его боль. Оказалось, я не одинока: другие тоже пытались исследовать характер злодея, монстра или персонажа комиксов, описываемых обычно со стороны и бегло. Людям захотелось знать, о чем думают супергерои. Подобных историй становилось все больше и больше; например, вышли фильмы, в которых показали душу Супермена и любовные переживания Лоис Лейн. Спрос на романтические фантазии постоянно рос. Могла ли я это предвидеть? Нет. Я лишь писала книгу, которую сама хотела бы прочесть, вот и все. То же справедливо и для трилогии о Красавице.

Не знаю, какой вообще процент людей разделяет мои фантазии, в конце концов, я их ни с кем не обсуждала. Например, лишь посвященные знали о таинственном романе «История О»¹. Но... фантазии у меня были, и я горела желанием поделиться ими. Причем сделать это хотелось «по науке». Я не стремилась выхолостить историю, лишив ее скабрёзных подробностей. Напротив, я задалась целью как можно дальше углубиться в создаваемый мною мир острых чувственных наслаждений и в то же время обозначить для читателя легкодоступное убежище в золоченой рамочке.

¹ Эротический роман 1954 года, автор – Доминик Ори.

Само собой, трилогию о Красавице время от времени запрещали; впрочем, я и не ждала, что ее примут в свои закрома библиотеки. Большинство библиотек просто отвечает стандартам культурного общества, так что сильно я не расстраивалась. Однако видела – не могла не видеть! – что продажи трилогии не падают. На каждую автограф-сессию читатели приходили с книгами из серии о Красавице. Их я подписала не меньше, чем других книг. Запреты на мои произведения меня никогда не волновали. Шокировать людей я привыкла. Много лет назад я написала роман о певце-кастрате, жившем в восемнадцатом веке, «Плач к небесам». В Стоктоне, что в Калифорнии, один человек купил экземпляр «Плача», прочел и вернул его в магазин с требованием: «Это же порнография! Верните деньги!» Всегда найдется кто-нибудь, недовольный моим творчеством, и я рада, что трилогия о Красавице по сей день живет и здравствует.

Как феминистка, я ратую за равенство полов, которое включает в себя право женщины писать о своих эротических фантазиях и выбирать книги на свой вкус. Мужикам порнография всегда нравилась, так чем мы, бабы, хуже? Даешь порнушку для всех! Где еще, как не в фантазиях, можем мы позволить себе то, чего не добиться в обычной жизни? Женщина вольна вообразить, как ее похищает красавец принц. Она сама придумывает ему цвет глаз, волос и тембр голоса. Высокий рост, накачанные мускулы? Пожалуйста, воображай! Почему нет? Мужчины же себе позволяют рисовать в уме образ идеальной женщины.

Многоопытные бордель-маман частенько рассказывают о сильных и властных клиентах, которым нравится пассивная роль. Они вообще говорят, что пассивные в постели мужчины в жизни – очень властные. Сегодня женщины обретают все больше власти: работают судьями в Верховном суде, сенаторами, врачами, юристами, предпринимателями, чиновниками, служат в армии и в полиции. Успехов они добиваются во всех сферах жизни, так почему им нельзя покинуть судебную палату или университетскую аудиторию в конце дня, прийти домой, расслабиться и «притвориться», будто они перенеслись в опочивальню Королевы, любительницы садомазо, и их при всем сказочном дворе сечет прекрасный Принц?

Сегодня литературный мир, как никогда, широко открыт для смелых экспериментов. Мы переживаем золотую эру, когда фэнтези, научная фантастика, историческая драма, хоррор, готика и мистика становятся мейнстримом. Не исключение и эротика. Люди больше не скрывают своих пристрастий, если речь заходит об эротических романах, доказательством тому служат «Пятьдесят оттенков серого». И вот я замечаю, как трилогия о Красавице – несмотря на свой немалый накал – тоже переходит в разряд мейнстрима.

Историю Красавицы продолжать не буду, точку в ней я поставила. Хотя могла бы написать еще что-нибудь, потому как в плане эротических фантазий и экспериментов остаются недосказанности. Герои-рабы могли бы бесконечно наслаждаться любимыми играми. Если бы я писала трилогию сегодня, то рассмотрела бы вопрос куда глубже, сохранив при этом напряжение.

Людям стало много проще обсуждать свои предпочтения в кино и книгах. Они раскрепощеннее, смелее, больше не стесняются. Все знают, что женщины – существа не менее расположенные к сексу, чем мужчины. Как и мужчинам, им нравится читать эротические романы. Люди не боятся фантазировать, ломать стереотипы, и это чудесно.

*Энн Райс,
июнь 2012 г.*

Предыстория

В книге «Право на Спящую Красавицу»

Очнувшись с поцелуем принца от векового сна, Красавица открыла глаза... и обнаружила свою ничем не прикрытую наготу. Ее душа и тело оказались всецело во власти освободителя. Тут же девушке объявили, что ее незамедлительно увезут к нему в королевство и что отныне ей предстоит стать обнаженной рабой услаждений его высочества.

С согласия благодарных родителей Красавица – кстати, пылко влюбившаяся в принца – была доставлена ко двору его матушки, королевы Элеоноры, где влилась в сотни таких же, как она, нагих принцев и принцесс. Все они служили при здешних высоких особах определенного рода игрушками, пока наконец не отсылались обратно в родное королевство, получив весьма щедрую награду.

Невиданные строгости, царившие в Зале воспитания и в Зале наказаний, изощренные испытания на «Тропе наездников» – все это ошеломило юную Красавицу, однако уже обуреваемая собственными, жаждущими удовлетворения, страстями принцесса очень скоро сделалась первой любимицей кронпринца и объектом восхищения его нынешней возлюбленной, прелестной леди Джулианы.

В то же время Красавица не могла не поддаться запретному любовному влечению к прекрасному невольнику королевы, принцу Алексию, и, наконец, к ее своенравному рабу принцу Тристану.

Однажды, увидев Тристана в числе осужденных ослушников, девушка ощутила неведомую ей прежде, необъяснимую жажду неповиновения, что в итоге и навлекло на нее то же наказание, что и на самого Тристана: их выслали из роскошного королевского двора в ближайший городок, обрекая на грубый труд и унижительное существование.

В книге «Наказание Красавицы»

Ранним утром на городской рыночной площади состоялся аукцион, и Тристан, проданный первым, довольно скоро очутился впряженным в роскошный экипаж своего нового господина – королевского летописца Николаса, еще достаточно молодого и весьма красивого мужчины. Красавицу же приобрела хозяйка трактира, где девушку сразу пристроили к работам. В тот же день она сделалась любимицей капитана королевской стражи, самого важного постояльца заведения.

С того дня, как их разлучили и распродали по разным хозяевам, Красавица и Тристан все больше проникались царящими в городке суровыми порядками. И безжалостные, но сладостно-томительные экзекуции на Позорищной площади или в Салоне наказаний, и невероятные поручения в загородном имении летописца, и в конюшне, и ночи с солдатами в гостинице – все это с равной силой и распаляло обоих, и наполняло паническим страхом, заставляя полностью забыть свой прежний бунтарский настрой.

Даже суровая кара, обрушившаяся на пойманного беглеца, принца Лорана, которого нагим воздели на крест и выставили на всеобщее обозрение, лишь еще больше раздражила обоих.

И в то время как Красавица с восторгом и упоением принимала выпавшие ей на долю всевозможные наказания, Тристан с беспредельной страстью увлекся своим новым господином.

Однажды им выпала чудесная возможность побыть наедине. Однако не успела парочка встретиться и поверить друг другу свои счастливые откровения, как на городок напал стремительный и могучий конный отряд «охотников за рабами», выкравший среди других неволь-

ников, попавшихся на пути (в частности, принца Лорана), также и Тристана с Красавицей. Выловленных рабов погрузили на корабль и повезли к новому хозяину, турецкому султану.

Довольно скоро выяснилось, что похищенных принцев и принцесс никто выкупать не намерен. Их господа заключили соглашение, согласно которому, отслужив определенное время во дворце султана, невольники целыми и невредимыми будут возвращены в распоряжение королевы.

И вот заключенные в длинные прямоугольные золоченые клетки в запертой каюте на корабле под султанским флагом узники узнают об ожидающей их участи.

На момент продолжения нашей истории притихшее в ночи судно приближается к конечной цели своего долгого морского пути.

И принц Лоран бодрствует наедине со своими мыслями о собственном рабском уделе...

Пленники на море (Рассказ Лорана)

Ночь... Тишина... Но что-то как будто переменялось. Едва открыв глаза, я понял, что земля совсем близко. Даже в немо сумраке каюты я улавливал приближение этого неведомого края.

Итак, наше путешествие подходит к концу, думал я. И очень скоро мы наконец узнаем, что же ждет нас в этом новом плену, в котором, как нигде и никогда, мы превратимся в жалких, ничтожных, бессловесных созданий.

Я испытывал одновременно оживание и страх, любопытство и невыразимый ужас.

При тусклом свете единственного ночника я увидел, что Тристан проснулся и теперь лежит, напряженно уставясь в полутьму каюты. Похоже, он тоже понял, что конец нашего пути уже совсем-совсем близок.

Принцессы-пленницы еще спали: нагие и прекрасные, они походили в своих золотых клетках на редкостных, невиданных зверей. Соблазнительная миниатюрная Красавица сияла во мраке своими пышными золотистыми волосами, точно желтое пламя. У Розалинды, ниже ярусом, вьющиеся черные волосы прикрывали белую точеную спину почти до самых округлостей ее маленьких упругих ягодич. В клеточке над ними лежала на спине высокая и тонкая Елена, ее гладкие каштановые волосы во сне разметались по подушке.

До чего же прекрасны телом наши прелестные подруги по заточению! Уютно свернувшаяся на матрасике Красавица с ее округлыми ручками и ножками, за которые так и подмывает ущипнуть; Елена, в полном забытьи откинувшая назад голову и широко раздвинувшая свои длинные стройные ноги, прижавшаяся коленом к прутьям клетки; и, наконец, роскошная Розалинда – под моим взглядом девушка повернулась на бок и тут же выкатились вперед ее крупные спелые груди с заостренными темно-розовыми сосками.

Справа, дальше всех от меня, лежит черноволосый Дмитрий, красотой хорошо развитых мускулов соперничающий с блондинистым Тристаном. Во сне его лицо кажется странно холодным и отстраненным, хотя днем он, пожалуй, среди нас самый добрый и участливый.

Так же как и пленные принцессы, радиво рассаженные по клеткам, точно зверьки, мы, принцы, выглядим не менее экзотически и, пожалуй, не более человечески, чем они. У каждого из нас между ног небольшая крепкая сеточка, не позволяющая даже коснуться рукой собственных страждущих органов.

За те долгие ночи, что мы провели в море, когда надзиратели-туземцы оказывались достаточно далеко, чтобы не слышать нашего шепота, мы имели возможность хорошо узнать друг друга. А за долгие часы вынужденного молчания, когда оставалось лишь уноситься в собственные мысли и мечты, мы, наверное, гораздо лучше узнали и самих себя.

– Лоран, ты слышишь? – встрепенулся вдруг Тристан. – Мы почти у берега.

Тристан среди нас был самым беспокойным юношей. И хотя он безмерно горевал, утратив своего господина, летописца Николаса, принц тем не менее чутко подмечал все происходящее вокруг.

– Да, – выдохнул я в ответ, быстро глянув на него. Его яркие синие глаза возбужденно блестели. – Совсем недолго осталось...

– Я лишь надеюсь...

– Ох, Тристан, разве нам есть на что надеяться?

– ...что нас не разведут поодиночке.

Ничего не ответив, я откинулся на спину и закрыл глаза. Что толку говорить о том, что и так очень скоро станет явным. Все равно не в наших силах что-либо изменить!

– Что бы ни случилось, – сказал я задумчиво, – я рад, что мы наконец-то приплыли и нам снова найдут хоть какое-то применение.

После того как в самом начале пути всех пленников весьма изошренно проверили на пригодность, похитители о нас больше и не вспоминали. И две недели мы лишь томились собственными желаниями, а наши мальчишки-надзиратели только посмеивались над нами и придерживали нам руки, которые сами тянулись под клиновидный покров сетки, скрывавший наши интимные места.

Казалось, все мы в равной степени страдали от того, что ничто на корабле не могло отвлечь нас от взаимного созерцания нашей наготы.

И я никак не мог отделаться от мысли: понимают ли наши юные грумы, столь проницательные во всех прочих отношениях, что нас безжалостно вышколивали в замке в непомерных аппетитах плоти и что господа и госпожи при королевском дворе приучали нас даже жадать скрипа хлыста, лишь бы пригасить бушующий внутри огонь желания.

При прежней нашей службе и полдня не проходило, чтобы кого-либо из нас не использовали для похотливых утех, и даже весьма послушные рабы постоянно получали какую-то плотоядную кару. А уж те, кого в наказание выслали из замка в городок, вообще прослыли самыми буйными и неумными среди невольников.

Там, за морем, остался совершенно другой мир, и в этом мы с Тристаном сошлись во мнении, шепчась долгими ночами во мраке нашего узилища. И в замке, и в городке нам позволялось говорить краткое: «Да, мой господин» или «Да, моя госпожа». Нам отдавались немногословные распоряжения, и мы порой в одиночку отправлялись куда-то с тем или иным поручением. А Тристан, вон, даже достаивался долгих бесед со своим любезным господином Николасом.

Здесь же, еще до того как мы покинули владения королевы, нас предупредили, что слуги султана будут обращаться с нами точно с безгласными тварями. Что, даже научись мы понимать их непривычный слуху язык, они никогда не станут с нами разговаривать. И что в краях султана любой ничтожный раб, используемый лишь для услаждений, осмелившись на мало-мальскую речь, немедленно получит крайне суровое наказание.

И вот все сказанное становилось явью. На всем пути по морю нас то и дело гладили, ласкали, похлопывали и потискивали и вообще всячески обихаживали в полном любви, но все же гнетущем молчании.

Когда, не снеся тоски, принцесса Елена в отчаянии стала в полный голос умолять выпустить ее из клетки, девушке тут же заткнули кляпом рот, запястья и лодыжки связали вместе, после чего провинившуюся подвесили на цепи к потолку. И там ее скрюченное тело долго болталось под сердитыми взглядами надзирателей, смотрящих на нее с недоумением и укором, пока Елена не смирила гордыню и не заглушила в себе слова протеста. Надо было видеть, с какой добротой и любовью эти грумы в шелках потом снимали ее с цепи! Ее целовали в умолкнувшие губы, а покрасневшие отметины на запястьях и лодыжках от кожаных оков мальчишки ласкали и смазывали маслами, пока те не сошли.

Юнцы-надзиратели старательно расчесывали и приглаживали ее каштановые волосы, сильными пальцами массировали спину и ягодицы – как будто таких страстных и беспокойных зверьков, как мы, можно уgomонить подобным способом! Разумеется, все их ласки закончились в тот самый момент, когда они заметили, что рыжеватый пушок в тенистой ложбинке у Елены между ног увлажнился и она непроизвольно подается бедрами навстречу нежному шелку их одежд, возбужденная ласкающими прикосновениями. Тогда недовольными жестами они велели пленнице подняться на колени и, взяв за запястья, прикрыли ей лоно плотной металлической сеткой, ловко закрепив ее обернутой вокруг бедер цепочкой. Затем девушку положили в ее клетку, привязав ей руки и ноги к решетке широкими атласными лентами.

Надо сказать, это проявление плотской страсти вовсе не рассердило наших грумов. Напротив, прежде чем прикрыть пленнице лобок, ей некоторое время, одобрительно улыбаясь, поглаживали пальцами влажное лоно, словно хваля за вождение и пылкость. Хотя никакие стоны в мире не выдавили бы из них и капли жалости!

Остальные пленники наблюдали за всем этим в похотливом молчании, ощущая, как напрасно оживают и пульсируют их собственные, истосковавшиеся по ласкам интимные места. Я, например, жаждал забраться в ее клетку, сорвать с Елены эту гадостную золотую сетку и запустить своего оголодавшего петушка в предназначенное для него влажное уютное гнездышко. Я жаждал проникнуть ей в рот языком, стиснуть в ладонях ее крепкие груди, потом припасть губами к тугим коралловым соскам – и наконец увидеть ее раскрасневшееся в жаркой истоме, трепещущее в экстазе лицо, когда я неистовыми толчками повлеку ее к высшей точке наслаждения... Однако все это были лишь мечты, болезненные и несбыточные. Мы с Еленой могли разве что перекликаться взглядами да про себя надеяться, что рано или поздно нам позволят испытать наслаждение в объятиях друг друга.

Изящная миниатюрная Красавица выглядела тоже прельстительно, и пышная полногрудая Розалинда с ее огромными печальными глазами казалась женщиной поистине роскошной, но именно Елена выделялась среди пленных принцесс умом и мрачным презрением ко всему, что вдруг на нас свалилось. Когда нам случалось с ней ночами пошептаться, она всякий раз смеялась над нашей незадачливой судьбой, откидывая за плечи тяжелые пряди каштановых волос.

– Ну скажи, Лоран, кто еще может похвастаться таким богатым выбором? Перед нами аж три варианта: султанов дворец, городок и замок! Но я тебе признаюсь: ни в одном из них не найдется таких прелестей и наслаждений, что пришлось бы мне по вкусу.

– Но, милая, тебе ж совсем неизвестно, что ждет тебя во дворце у султана, – возразил я. – Везде по-разному. У королевы просто содержатся сотни обнаженных невольников. В городке такие же сотни заняты всяческим трудом. Что, если у султана даже больше невольников? Если у него собраны рабы со всех королевств от Востока до Запада и их столько, что он может использовать их просто как скамеечки для ног.

– Думаешь, он это делает? – оживилась она, тут же приняв очаровательно дерзкий вид. Между влажными губами блеснули восхитительные зубы. – Ну, значит, нам надо изыскать способ, чтобы как-то выдвинуться среди прочих, Лоран. – Елена подперла кистью подбородок. – Я вовсе не желаю быть одной из тысячи несчастеньких принцев и принцесс. Мы должны дать знать о себе султану!

– Опасные мысли у тебя, дорогая, – усмехнулся я. – Ведь мы не можем ни с кем разговаривать, да и к нам никому не позволено обращаться с речами. Нас холят и наказывают, как обычных домашних питомцев.

– Мы что-нибудь придумаем, Лоран, – пообещала Елена, и на ее лбу пролегла прелестная морщинка. – Прежде тебя ничто, помнится, не пугало. Ведь, если не ошибаюсь, ты сбегал лишь для того, чтобы узнать, каково оно, когда поймают? Разве не так?

– Уж очень ты сообразительна, Елена, – улыбнулся я. – С чего ты взяла, что я сбежал вовсе не из страха?

– Я в этом даже не сомневаюсь. Никто и никогда не сбегает из королевского замка из страха. Беглецами неизменно движет жажда приключений. Я и сама не удержалась, как ты знаешь, за что и была выслана в городок.

– Ну, и как, моя радость, имело смысл сбегать? – спросил я.

О, если бы я мог припасть к ней поцелуем, чтобы она вдохнула в меня свой вольный непокорный дух! Стиснуть бы пальцами ее маленькие плотные соски... Как это ужасно, что в замке мне не довелось ни разу хотя бы просто оказаться рядом с ней!

– Пожалуй, это того стоило, – задумчиво молвила она. К моменту набега «охотников» Елена пробыла в городке где-то с год. В числе других невольниц она работала на ферме у лорд-мэра. Трудилась в его садах, на четвереньках выискивая в траве плоды и собирая их зубами. А рядом с ней неизменно топтался суровый верзила-садовник, не выпускавший из руки тяжелого ремня.

– Но знаешь, я всегда была готова к чему-то новому, – добавила она, откидываясь на спину и, как обычно, расслабленно раздвигая ноги. Я не мог оторвать глаз от бурой густой шерстки, выглядывающей из-под золотой накладки на лобке. – Воины султана явились в городок словно по зову моего воображения. Запомни, Лоран: нам непременно нужно выделиться из толпы!

Я усмехнулся про себя. Мне был по вкусу такой ее боевой настрой!

Впрочем, мне нравились все мои товарищи по несчастью. И Тристан, с его столь притягательным сочетанием физической мощи и опустошенности, молча сносящий все свои переживания. И Дмитрий с Розалиндой, оба вечно во всем раскаивающиеся и тяготеющие услужить другим, словно рождены не повелителями, а рабами.

Однако в замке Дмитрий не умел владеть собой, не в силах был сдерживать возбуждение и похоть, не мог с неподвижной покорностью удовлетворять чью-то страсть и так же принимать наказания, хотя и был весь преисполнен любви и смирения. Свой короткий срок в городке Дмитрий провел у позорного столба на Позорищной площади, все время ожидая, когда его в очередной раз погонят на «вертушку».

Розалинда тоже напрочь лишена была хоть какого-то самообладания, присмирить ее могли разве что тугие наручники.

Оба они надеялись, что городок своими грозными порядками изничтожит все их страхи и они научатся наконец служить с тем изяществом и совершенством, что так восхищало их в других.

Что же касается Красавицы, то, почти как Елена, она казалась чрезвычайно загадочной и необычной особой. С виду холодно-равнодушная, но невообразимо манящая. Всегда задумчивая и непокорная. Долгими темными ночами в море я то и дело сквозь решетки наших клеток ловил на себе ее внимательный взгляд, видел какую-то странную озадаченность на ее сосредоточенном личике. Встретившись со мной взглядом, она мгновенно расцветала в улыбке.

Когда Тристан как-то раз безутешно разрыдался, она лишь тихо сказала в его защиту:

– Он очень любил своего господина, – и легонько пожала плечами, находя это, конечно, печальным, но отнюдь не недоступным пониманию.

– А ты любила кого-то из господ? – спросил я у нее однажды ночью.

– Нет. По-настоящему нет... Только таких же, как я, рабов... – и так провокационно глянула на меня, что мой приятель разом всколыхнулся.

В этой девушке было что-то дикое, необузданное, что-то чистое и нетронутое, несмотря на всю ее кажущуюся искушенность.

Однако то и дело Красавица, казалось, пыталась разобраться в природе своей непокорности.

– А что ты разумеешь под тем, чтобы их любить? – спросила она однажды. – Что означает: всем сердцем отдаться господину? Наказания – да, люблю. А вот какого-то конкретного господина или госпожу... – в ее глазах вдруг промелькнул испуг.

– И это не дает тебе покоя, – посочувствовал я.

Да, долгие ночи на море всем нам пошли на пользу. Эта изоляция от мира позволила нам многое рассудить и взвесить.

– Знаешь, я страстно жажду того, чего не имею, – прошептала Красавица. – Я отвергаю это, но всей душой желаю. Может быть, это просто потому, что я пока что не встретила своего настоящего господина или госпожу...

– А как же кронпринц? Ведь это он привез тебя в королевство? Несомненно, он был для тебя поистине великолепным господином?

– Ну, не таким уж и великолепным... – рассеянно ответила она. – Я его почти и не помню. Видишь ли, он был мне совсем неинтересен... А что бы произошло, окажись я в руках того хозяина, который бы полностью мною завладел? – Она бросила на меня быстрый взгляд. Ее глаза странно заблестели, словно обнаружили вдруг целый мир новых возможностей.

– Этого я не могу тебе сказать, – сказал я, от ее слов внезапно испытал чувство потери.

Вплоть до этого момента я не сомневался, что любил свою госпожу, леди Эльверу. Но теперь я вовсе не был в этом так уверен. Может, Красавица говорила о некой более глубокой, все затмевающей, беспредельной любви, которой еще не довелось мне испытать?

Как бы то ни было, точно я знал то, что Красавица меня «зацепила». Мне интересна была эта девушка, лежащая на шелковой постельке всего в одном дыхании от меня. В полусумраке каюты ее обнаженные ручки и ножки вырисовывались безупречным скульптурным совершенством, в глазах скрывалось множество недосказанностей и тайн.

И все ж таки при всех наших различиях, несмотря на все наши проникновенные беседы о любви, мы были истинными рабами, рабами по призванию. И это бесспорно.

Годы службы у королевы многое открыли в нас самих, необратимо изменив всех нас. Несмотря на все страхи и противоречия, мы уже не были теми, что поначалу, пугливыми и робкими существами. Мы выплыли – каждый своим собственным путем – в затягивающий своим вихрем поток чувственных мук и наслаждений.

И лежа сейчас в каюте наедине со своими мыслями, я пытался осознать, в чем основные различия между замковой жизнью и жизнью в городке, и угадать, что сулит нам нынешний плен в султанате.

Воспоминания о замке и городке (Рассказ Лорана)

В замке я прослужил целый год, будучи личным невольником строгой леди Эльверы, которая взяла за правило пороть меня каждое утро за завтраком. Это была гордая и чрезвычайно тихая, молчаливая леди с синевато-серыми глазами и волосами цвета воронова крыла, которая часами просиживала, склонясь над тончайшей вышивкой. После экзекуции я неизменно целовал ее туфельки в знак признательности за порку, рассчитывая хоть на толику похвалы – что я достойно вынес все удары или что я по-прежнему красив и мил. Но что там! От леди Эльверы редко когда удавалось услышать хоть слово. Она вообще крайне редко отрывала взгляд от иглы.

В дневные часы моя госпожа обычно отправлялась со своей работой в сад, где я развлекал ее, совокупляясь с принцессами. Сперва я должен был отловить свою прелестную жертву, отчаянно гоняясь за ней по цветникам. Затем раскрасневшуюся принцессочку следовало принести пред очи госпоже, положив к ее ногам, после чего начиналось основное представление, которое я должен был исполнить в совершенстве.

Разумеется, мне очень нравились эти моменты. Нравилось вонзать свой жаркий жезл в простертую передо мной, пугливую, трепещущую плоть – ведь даже самые игривые и отчаянные принцессы дрожали от долгой погони и пленения, – и мы оба сгорали от страсти под холодными невозмутимыми взглядами моей госпожи, несмотря ни на что продолжавшей свое шитье.

Как жаль, что мне ни разу не привелось там овладеть Красавицей! Она оставалась любимой невольницей кронпринца вплоть до того дня, когда, вдруг впад в немилость, была сослана в городок. Разделять утех с ней позволялось лишь леди Джулиане. Но однажды мне довелось увидеть ее на «Тропе наездников». Как возжелал я тогда, чтобы она подо мной так задыхалась от бега! Эта девушка с первых же дней в замке была просто исключительной рабыней. Когда она вышагивала рядом с лошадью леди Джулианы, ее изысканные формы и грациозные движения казались поистине безупречными. На фоне копны золотистых, точно спелая пшеница, волос ее лицо вырисовывалось изящным заостренным сердечком; в голубых глазах сияла гордость и полыхала страсть, которую скрыть просто невозможно. Сама королева Элеонора поглядывала на принцессу с ревливой завистью.

Но теперь, оглядываясь назад, я ни на миг не сомневаюсь в истинности ее слов насчет того, что Красавица несколько не любила тех, кто в ту пору требовал от нее любви и привязанности. Всякий раз, когда я видел ее в замке, нетрудно было заметить, что сердце ее свободно.

В чем же состояла особенность моей жизни в стенах замка? Моя душа тогда была опутана цепями. Но что это были за оковы?

Я был принцем, вынужденным служить, – высокородной особой, временно лишенной привилегий, которую заставляли выносить исключительные испытания для тела и души. Да, в том-то и заключалась сама сущность этого унижения: что, когда выйдет срок служения, я снова сделаюсь той же привилегированной персоной; в том, что изначально я был ровней тем, кто сейчас тешился моей наготой и сурово взыскивал за малейшее проявление гордости и воли.

Причем с особой ясностью я сознавал это, когда прибывавшие в замок принцы из других земель искренне изумлялись этому обычаю королевы держать рабов для похотливых утех. Когда меня выставляли перед гостями, я чувствовал себя так, словно меня свежевали заживо.

– Но как же вы заставляете их себе служить? – неизменно спрашивали гости, одновременно удивленные и зачарованные увиденным.

И никогда не знаешь, то ли им страстно хочется служить, то ли повелевать. Неужто все человеческие натуры так раздираемы этим внутренним спором?

Как правило, ответом на их робкие вопросы следовала простая демонстрация нашей отменной выучки. Мы должны были опуститься перед гостями на колени, выпятив на обозрение обнаженные гениталии, затем повернуться задом, подставляя ягодицы для порки.

– Это игра в удовольствия, – говорила сухим бесстрастным голосом леди Эльвера. – А вот этот принц с прекраснейшими манерами, Лоран, развлекает меня в особенности. Придет день, и он станет править богатым королевством. – С этими словами госпожа неспешно прищипывала мне соски, затем широко раскрытой ладонью приподнимала мне член и мошонку, показывая их изрядно ошарашенным гостям.

– И все же почему они нисколько не противятся, даже не упираются? – неизменно спрашивал какой-нибудь гость, возможно, пытаюсь скрыть собственные тайные волнения.

– Подумайте сами, – начинала толковать леди Эльвера. – Он напрочь избавлен от одежды и аксессуаров, что делали бы его человеком внешнего мира, и благодаря этому в нем в полной мере выражаются все физические достоинства, превращающие этого мужчину в моего раба. Вообразите себя такими же обнаженными, ничем не защищенными, такими же полностью поработанными – и, возможно, вы не менее ревностно станете служить, дабы не навлечь на себя целую гамму воспитательных мер, включая и самые постыдные.

После таких объяснений чего только не требовал этот новоприбывший от приставленного к нему дотемна раба! Весь дрожащий, с пунцовым лицом, я весь оставшийся день пресмыкался перед ним, исполняя всевозможные команды, данные мне незнакомым, еще не привыкшим повелевать голосом. И ведь помыкали мною те самые лорды, что когда-то окажутся при моем собственном королевском дворе! Припомним ли мы тогда эти нынешние мгновения? Осмелится ли кто-то хоть обмолвиться об этом?

И так, в сущности, было со всеми нагими принцами и принцессами, находящимися в замке в рабском услужении у королевы. Ничего, кроме крайнего унижения в его наивысшем качестве.

– Полагаю, Лоран прослужит еще по меньшей мере три года, – бывало, беззаботно обмолвится леди Эльвера перед гостями. Как же далеко она сейчас и как бесконечно расстроена случившимся! – Но это решает лишь ее величество. Я буду плакать по нему, когда однажды он меня покинет. Думаю, больше всего меня прельщают его необычайные размеры. Лоран гораздо выше других принцев и более могучего телосложения, хотя лицо его весьма аристократично, вы не находите?

Щелчком пальцев она велит мне подойти поближе, большим пальцем проводит сверху вниз по щеке.

– А этот восхитительный член! – продолжает она. – Невероятно толстый, хотя и не слишком длинный. Ведь это очень важно! Как извиваются под ним субтильные принцессочки! У меня просто должен быть такой могучий принц! Скажи-ка, Лоран, могу я еще как-то наказать тебя в какой-то новенькой манере? Может, что-то мне еще не приходило на ум?

Ну да, сильный могучий принц во временном покорном подчинении. Блистательный монарший отпрыск со всеми своими исключительными способностями отправлен постигать науку наслаждения и боли!

Но чтобы навлечь на себя гнев двора и оказаться сосланным в мир простолюдинов? Это испытание совсем иного порядка! И его мне лишь немного довелось вкусить, хотя то, что я успел познать, явилось, пожалуй, его наиболее ярким воплощением.

Я сбежал от леди Эльверы и от королевского двора всего за два дня до набега султанских грабителей. И я, в общем-то, не знаю, зачем это сделал.

Конечно же, я обожал леди Эльверу! Я очень ее любил, в этом нет никаких сомнений. Я восхищался ее грациозной величественностью, ее неизбывным безмолвием со мной. И то, что она чаще всего собственноручно порола меня, нежели препоручала это другим принцам, лишь доставляло мне еще большее наслаждение.

Когда она отдавала меня в пользование гостившим в замке лордам и леди, я испытывал особую радость от возвращения к своей госпоже – когда я вновь оказывался в ее постели, и мне позволено было прилечь к узкому треугольничку черных волос между ее белыми бедрами, и она восседала, откинувшись на подушки и разметав по ним иссиня-черные волосы, полуприкрыв безразличные ко всему на свете глаза. Я словно получал вызов растопить ее ледяное сердце, заставить ее запрокинуть голову и стонать, кричать в исступлении экстаза, точно похотливые принцессы в королевском саду утех.

И все ж таки я от нее сбежал. Это нашло на меня совершенно неожиданно, импульсивно – мысль, что я отважусь это сделать. Просто поднимусь внезапно и убегу в лес, и пусть ищут-свищут. Разумеется, меня найдут – я нисколько в том не сомневался. Здесь всегда отыскивают беглецов.

Возможно, я слишком долго жил в страхе перед этим, в ужасе представляя, как меня отловят солдаты и отправят горбатиться в городок. Искушению сбежать я поддался внезапно, точно прыгнул в пучину с крутого обрыва.

К тому времени меня как невольника уже достаточно выпестовали, избавив от многих недостатков: я прошел долгий и мучительный путь совершенствования. Я никогда не пытался пугливо отпрянуть от ремня, напротив, испытывал в нем даже потребность, дойдя до того, что от одного его вида вся моя плоть наполнялась волнующим жарким трепетом. И в погонях по саду я всегда чрезвычайно быстро отлавливал принцесс, вздергивал их за запястья и спешно нес к своей госпоже, перекинув через плечо, так что их разгоряченные груди упруго тыкались мне в спину. Я словно сам себе бросал вызов, когда с неиссякаемым пылом мог поймать и усмирить двух или даже трех девчонок подряд.

Но отчего же я все-таки сбежал? Может, я просто получше хотел узнать своих господ? Ведь, превратившись в пойманного беглеца, я бы до мозга костей прочувствовал всю мощь их власти. Я бы в самой полной мере вкусил все то, что они могли бы заставить меня испытать.

Какова бы ни была на то причина, в один прекрасный день я дождался, пока моя госпожа уснет в своем садовом кресле, быстро поднялся, ринулся к парковой стене и, стремительно вскарабкавшись, перемахнул через нее. На меня никто не обратил ни малейшего внимания: бесспорно, исчез я с поразительной лихостью. Не оглядываясь, я устремился через скошенные луга в сторону леса.

Надо сказать, я никогда не ощущал себя настолько нагим и беззащитным, никогда не чувствовал себя до мозга костей рабом, как в те моменты, когда я вдруг впадал в неповиновение. Теперь каждый лист, каждая высокая острая травина норовили полосонуть по моему обнаженному телу. Неизвестный дотоле стыд охватывал меня, когда я пробирался под темными ветвями лесных зарослей, прокрадываясь мимо городка, чтобы не быть замеченным с его сторожевых башен.

Когда опустилась ночь, мне показалось, будто нагое мое тело настолько светится во тьме, что лес не в состоянии меня спрятать. Принадлежа к сложному, запутанному миру смирения и власти, я по глупости пытался улизнуть от своих обязательств – и лес как будто знал об этом. Колючие стебли ежевики безжалостно царапали мне икры. Приятель напрягался от маломальского шороха в кустах.

И наконец, этот ночной кошмар моей поимки, когда солдаты заметили меня во мраке леса и криками погнали меня, точно зверя, вперед, со всех сторон окружая.

Потом грубые ладони ухватили меня за руки и за ноги. Четверо мужчин потащили меня по лесу, едва приподняв от земли, – с простертыми в стороны конечностями и свесившейся

головой я был похож на измученное погоней животное. Под всеобщий хохот, издевки и бодрые выкрики меня доставили в освещенный факелами солдатский лагерь.

И вот в тот миг неотвратимой расправы все прочее как будто полностью стряхнулось с меня. Я более не был высокорожденным принцем – я стал всего лишь униженным жалким существом, которого будет пороть и по кругу насиловать подвыпившая солдатня, пока не появится капитан стражи и не прикажет привязать меня к широкому деревянному позорному кресту.

И вот во время этого жестокого солдатского судилища я снова увидел Красавицу. К тому моменту ее уже выслали из замка в городок, где капитан стражи избрал ее для своих плотских забав. Сидевшая на коленях посреди лагеря на самой земле принцесса оказалась здесь единственной женщиной. Ее молочно-белая, чуть зарумянившаяся кожа оставалась восхитительно прелестной, несмотря на места приставшую к ней грязь. И своим напряженным, внимательным взглядом она придавала особую остроту всему, что со мной тогда происходило.

Ничего удивительного, что она до сих пор мною заворожена: ведь я был настоящим беглецом, и среди пленников султана на корабле я оказался единственным, кто перенес наказание позорным крестом.

На первых порах моего пребывания в замке я своими глазами видел таких же насаженных на крест беглецов. Я видел, как их грузили на отправлявшуюся в городок повозку – с распростертыми и привязанными к крестовине ногами, с запрокинутой на верхушку креста головой, так что их взор устремлялся к небу; рот им распирало черной кожаной лентой, крепко державшей голову в этом положении. Я всякий раз ужасался тому, что с ними проделывали, и в то же время меня изумляло, что даже в таком жутком положении член у бедняг был едва ль не тверже деревянного креста, к которому привязывали тело.

А теперь мне самому суждено было претерпеть подобную экзекуцию. Солдаты подтолкнули меня к месту наказания и привязали к кресту в том же невообразимом положении, с возведенными к небу очами, со стянутыми за шершавой опорой руками, с невозможно широко, до боли разведенными бедрами и с крепче, чем когда-либо, налившимся членом.

И Красавица была одним из свидетелей этой жуткой процедуры!

Потом под размеренные удары барабана меня показательной процессией провезли по улицам городка на потеху целым толпам простолюдинов, которых я слышал, но не мог видеть, и при каждом повороте повозки всаженный мне сзади деревянный фаллос раздражающе подергивался.

Все, что я тогда претерпел, было потрясающе в своей невероятной остроте. Это явилось величайшим, полнейшим из всех моих падений. Я наслаждался этим, даже когда капитан стражи что есть силы стегал меня ремнем по обнаженной груди, по простертым ногам, по голому животу. И как изумительно легко было исторгать крики мольбы, невольно извиваясь и стелясь, прекрасно при этом зная, что из-под повязки почти никто ничего не услышит! И как приятно щекотало нервы осознание того, что у меня нет ни малейшей надежды на какое-то снисхождение.

Да, в те мгновения я в полной мере познал силу власти моих пленителей, но я познал тогда и собственную духовную мощь. Мы, которые лишены всех своих привилегий, способны-таки воздействовать на своих экзекуторов, увлекая их в новые пределы ярости и страсти.

Теперь у меня не было желания кого-то ублажать, доводить до исступления. Мною завладела какая-то сверхъестественная, мучительная самозабвенность! Без всякого стыда я ворочал ягодицами на фаллосе, который втыкался в меня с креста, и, словно жаркие поцелуи, получал от капитана стражи частые удары ремня. Я ерзал, тщетно пытаюсь увернуться, и рыдал от души, словно во мне не осталось ни капельки достоинства.

Единственным упущением в этом потрясающем замысле, пожалуй, было то, что я не мог видеть лиц своих мучителей – если только они не подступали совсем уж близко, оказываясь прямо надо мной, что случалось крайне редко.

А ночью, когда меня на кресте водрузили на самом высоком месте на городской площади, простолюдины собрались подо мной на помосте, безжалостно пощипывая мне излупленные ягодички и шлепая по пенису, – и я страшно сожалел, что не могу увидеть презрение и насмешки на их лицах, осознание полнейшего превосходства над низшим из низших, каковым я стал теперь.

Мне нравилось бывать в роли осужденного, нравилась эта беспощадная и пугающая демонстрация чужих прихотей и моего страдания, даже при том что я содрогался от звуков ремня или плети и слезы сами собой струились по лицу. Эти ощущения были бесконечно богаче и насыщеннее, нежели роль раскрасневшейся от погони, дрожащей игрушки леди Эльверы. И доставляли даже больше удовольствия, нежели такое приятнейшее занятие, как овладение принцессами в саду.

И, наконец, за то зрелище страдания, что я собой являл, мне снизошла особая награда. Когда пробило девять и порка завершилась, молодой солдатик взобрался рядом со мной по лестнице, заглянул мне в глаза и стал целовать заткнутый кожаной лентой рот.

Я не в состоянии был показать, как обожаю его, не мог даже сомкнуть губы над толстой кожаной перевязью, что, перекрывая рот, крепко держала голову на месте. Но юноша, прихватив меня за подбородок, сперва враскоряк целовал верхнюю губу, потом нижнюю, с трудом пробираясь языком под кожаную повязку, после чего шепотом обещал мне, что в полночь меня снова выпорют как следует и что он лично за этим проследит. Ему очень нравилось наказывать провинившихся рабов.

– Сейчас грудь и живот у тебя словно затканы ярко-розовыми полосами, – поведал он мне. – Но, уверяю тебя, ночью ты станешь еще краше! А на рассвете тебя ждет еще «вертушка», когда тебя развяжут и заставят встать на колени, а городской заплечный мастер искусно выполнит свою работу перед собравшейся поутру на площади толпой. Представляю, как им понравится такой рослый и могучий принц, как ты!

Он снова поцеловал меня, глубоко прихватив нижнюю губу, пробежав языком по зубам. Я весь напрягся на деревянном фаллосе, в державших меня путах, мой член превратился в алчущий крепкий стержень.

Я попытался всеми известными мне безгласными способами показать юноше, как я его люблю, как мне милы его речи, его страсть ко мне.

Как ни странно, он не понял того, что я хотел ему сказать. Но это и не важно. Это ничего не значило, будь я хоть навеки лишен возможности что-то кому-то сказать. Важно было лишь то, что я нашел-таки для себя наилучшее место и никогда не должен над ним подниматься. Я должен стать символом худшего из наказаний. Если бы только мой несчастный, измученный, распухший приятель мог получить хоть мгновение передышки... Хотя бы мгновение...

И, словно прочитав мои мысли, солдатик сказал:

– А теперь у меня для тебя есть подарок. Нам бы хотелось, чтобы этот замечательный парень после всех экзекуций остался в славной форме, а для этого надо, чтобы он не ленился.

И я различил рядом женский смехок.

– Тут одна из самых аппетитных здешних красоток, – добавил он, убирая мне волосы с глаз. – Хочешь сперва взглянуть на нее?

«О да!» – попытался я ответить.

И тут я увидел над собой ее лицо, обрамленное упругими рыжими кудряшками, с прелестными голубыми глазами и румяными щеками, увидел ее губы, тянущиеся меня поцеловать.

– Ну как? Хороша? – спросил меня на ухо солдатик. И обратился уже к ней: – Можешь начинать, милашка.

Я почувствовал, как ее ноги зацепились сверху за мои, щекоча мое тело накрахмаленными нижними юбками, и жаркий влажный лобок притерся к моему члену. Тут же тесные волосистые ножны открылись, впустив мой крепкий жезл, и женщина с изрядным напором опустила на меня. Я громко застонал, как, казалось бы, стонать под кляпом невозможно.

Юный солдатик улыбнулся надо мной и склонился ниже, одаривая меня влажными глубокими поцелуями. Чудесная жаркая парочка! Я тщетно заметался в своих крепких кожаных узах. Но вскоре красотка поймала для нас обоих нужный ритм, мерно подскакивая и опускаясь на мне, так что большой тяжелый крест под нами вздрагивал и трясся. Наконец я извергся в нее и после этого долго не видел ничего, даже вечернего неба.

Я смутно помню, как спустя некоторое время солдатик подошел ко мне, сообщив, что уже полночь и пора получить еще одну добрую порцию ремня. И добавил, что если я и впредь буду славным парнем и при каждой порке мой приятель будет неизменно в полной готовности, то следующим вечером мне приведут еще одну местную куколку. По его мнению, наказанный беглец обязан почаще общаться с женщинами – это, дескать, усугубляет его страдания.

В ответ я благодарно улыбнулся под своей кожаной затычкой. Да, я готов на что угодно, лишь бы мои муки сделались тяжелее.

И как мне проявить себя этим «славным парнем»? Всячески выказывать свои страдания, дергаясь и извиваясь, производя как можно больше шума? Или пронзая пустой воздух своим страждущим ненасытным копьем? Да пожалуйста, с огромной готовностью! Жаль, я не ведал, надолго ли выставили меня всем на обозрение. Я бы желал остаться там навсегда – таким вечным символом полного уничтожения, достойным лишь презрительных насмешек.

И нередко, когда безжалостный ремень жгуче облизывал мне обнаженный живот и грудь, я вспоминал лицо леди Эльверы, когда меня ввели в замковые ворота на позорном кресте.

Подняв тогда глаза, я увидел ее в открытом окне рядом с королевой. В отчаянии я заплакал, и слезы ручьями покатились по щекам. Как она была прелестна! И я преклонялся перед ней, ибо именно моя госпожа могла теперь наказать меня суровее всего.

– Уберите его, – велела леди Эльвера со скучающим видом, и ее голос гулким эхом пронесся по пустому внутреннему дворику. – И проследите, чтобы его как следует выпороли и продали кому посвирепее.

Да, это была новая игра в неминуюсть суровой кары с новыми правилами, в которых я вдруг открыл для себя неведомые прежде глубины подчинения и покорности.

– Лоран, я спущусь и лично прослежу, чтоб тебя продали куда надо, – кинула она мне вслед, когда повозку со мной уже выкатывали со двора. – Хочу убедиться, что тебя ждет абсолютно каторжное существование.

Моя любовь к леди Эльвере, настоящая пылкая любовь, казалось бы, усиливала мои испытания. Однако недавние рассуждения Красавицы в корабельном заточении привели меня в замешательство.

Была ли моя страсть к леди Эльвере той самой, истинной, всепоглощающей любовью? Или же это была просто нежная привязанность невольника к полной совершенств госпоже? И можно ли изведать большего в этом горниле неистового гнева и невыразимых страданий? Может быть, просто Красавица более разборчива, более честна... и более требовательна?

Даже в случае с Тристаном: возникало ощущение, что любовь его господина чересчур скоропалительна, слишком откровенна. И достоин ли сам королевский летописец Николас таких глубоких чувств? Высветил ли Тристан что-либо особенное, рассказывая об этом человеке? Все, что можно было разобрать сквозь горестные стенания принца, так это то, что господин перемежал их плотскую любовь моментами интимных откровений.

Интересно, а Красавица купилась бы на подобное завлечение?

Впрочем, в городке, распяленный на позорном кресте, ерзая под регулярно исполнявшим свою работу ремнем, я испытывал особую, смешанную с горечью, радость вспоминать леди Эльверу. Но с не меньшим, острым удовольствием я возвращался мыслями и к Красавице, к дерзкой маленькой принцессе, увиденной мною в лагере, когда она с нескрываемым изумлением не сводила с меня глаз. Известна ли ей моя тайна? Знает ли она, что я *желал* всего этого? И отважилась бы сама она на такое? В замке поговаривали, что она самовольно обрекла себя на наказание в городке. Да, мне уже тогда она невероятно понравилась, эта храбрая и нежная, прелестная малышка.

Однако мое существование понесшим кару беглецом закончилось, едва успев начаться. Я так и не попал на помост аукциона.

Как раз в пору моей последней, полуночной, порки случился набег на городок. Грозные всадники султана прогремели по узким булыжным улочкам. Мне перерезали кожаные путы, сорвали со рта перевязь, перекинули ноющее от боли тело через круп уже разгоняющегося коня – все это произошло так быстро, что я даже мельком не увидел лица своего пленителя.

Затем было долгое заточение на корабле, в этой утлой каюте с медными светильниками, задрапированной тканями со сверкающими самоцветами. И золотистое масло, что щедро втерли в мою исполосованную кожу, и налитый благовониями гребень, которым старательно прочесали мне волосы, и, наконец, держащаяся на цепочках, плотная золотистая сетка, накинутая поверх моих интимных органов, чтобы я не мог касаться их руками. И теснота моей клетки, и связанные с этим ограничения и неудобства. И робкие, полные уважения вопросы других плененных рабов: зачем, мол, я сбежал из замка и как сумел перенести наказание на позорном кресте?

И звучащий в ушах отзвук последних слов посланника королевы Элеоноры, предупредившего, прежде чем мы покинули ее владения: «...К вам более не будут относиться как к существам с высшим разумом. Напротив, вас станут дрессировать, как редких и ценных зверушек, и боже упаси вас что-нибудь говорить или выказывать нечто большее, нежели простейшее разумение...»

И теперь, приближаясь к чужому берегу, я гадал, не совместят ли здесь для нас все те изощренные наказания, которым подвергались мы в замке и в городке?

Вот ведь судьба! Сперва нас унижали при королевском дворе, затем по приговору ее величества мы впали в еще большее ничтожество. Теперь же, в чуждой земле, где никто не знает ни нашего происхождения, ни истории каждого из нас, нас просто-напросто растопчут и смешают с грязью...

Открыв глаза, я снова увидел одинокий маленький ночник, свисающий с медного крюка на затянутом богатой тканью потолке.

Что-то определенно изменилось. Судно как будто бросило якорь. Наверху тут же воцарилось оживление – явно на ноги подняли всю команду. И чьи-то шаги приближались к нашей каюте...

Через город во дворец

Красавица открыла глаза. Она давно уже не спала и, даже не выглядывая в окно, могла точно сказать, что уже утро. Воздух в каюте был непривычно теплым.

Где-то с час назад она слышала, как Тристан с Лораном перешептываются в темноте. Поняв, что корабль встал на якорь, принцесса испытала легкий укол страха.

Некоторое время она еще нежилась в сладких чувственных грезах. Все ее тело потихоньку пробуждалось, словно спящая земля под ласковыми лучами восходящего солнца. Девушке не терпелось уже попасть на берег и как-то разузнать, что ожидает ее в этом неведомом краю и что вообще может ей тут угрожать.

Теперь, когда каюту наводнили опрятные хорошенькие грумы, стало очевидно, что они прибыли наконец в страну великого султана и что очень скоро все прояснится.

Прелестные юнцы, которым, несмотря на их рост, явно уже стукнуло четырнадцать-пятнадцать, и всегда были богато одеты, однако нынче утром они красовались в великолепно расшитых шелковых одеяниях, перетянутых в талии кушаками из дорогой полосатой ткани; их черные волосы поблескивали маслом, а невинные оливковые личики аж побагровели от непривычного волнения.

Довольно скоро все королевские пленники были разбужены, извлечены из своих клеток и по отдельности разложены на специальных столах для омовений и ухода.

Красавица всем телом потянулась на шелковой подстилке, наслаждаясь этим избавлением от тесноты клетки, в мышцах ног появилось легкое покалывание. Девушка глянула на Тристана, затем на Лорана: первый все еще тяжело переживал свою потерю, второго, как всегда, немного забавляло происходящее. Сейчас они даже не успели друг с другом попрощаться. Красавица надеялась: их все же не разлучат, и, что бы ни случилось, они встретят беды вместе. И каким-то образом в этой новой неволе им все же представятся мгновения, когда они смогут друг с другом перекинуться хоть словом.

Между тем грумы щедро намазали тело Красавицы золотистым красящим маслом, умело растирая сильными пальцами ее бедра и ягодицы. Затем, приподняв ее длинные волосы, густо опудрили их золотой пылью, после чего аккуратно перевернули девушку на спину.

Тут же чьи-то сноровистые пальцы открыли ей рот, и по зубам, натирая их до блеска, пробежалась мягкая тряпица, после чего на губы нанесли золотую помаду. Затем так же золотом накрашили брови и ресницы.

С того первого весьма памятного дня их морского пути ни ее, ни кого-то другого из пленников так основательно не украшали. И от предвкушения загадочной новизны все тело Красавицы пронизали токи знакомого возбуждения.

Словно в тумане, ей припомнился восхитительно свирепый капитан стражи из городка, затем аристократичные, утонченные, но уже почти стершиеся из памяти господ-мучители из королевского двора. И Красавице страстно захотелось снова кому-нибудь принадлежать – чтобы ее опять кто-то усмирлял, подчинял своей воле, и обладая ею, и нещадно наказывая.

Это казалось самым худшим унижением – быть собственностью другого человека. Оглядываясь назад, девушка ощущала себя прекрасным цветком, едва распустившимся в полную силу, но безжалостно сорванным и смятым чужой волей. И в этих страданиях, причиненных ей по чьей-то прихоти, она понемногу раскрыла для себя собственную суть.

Однако теперь у Красавицы появилась новая мечта, медленно утягивающая ее в неизведанные пока глубины, которая вспыхнула в девушке в корабельном заточении и которую она поведала только Лорану: мечта обрести в этой чуждой земле то, чего она никогда не знала прежде, найти того, кого она могла бы по-настоящему полюбить.

На свидании в городке, уверяя Тристана, что она этого вовсе не желает, что она жаждет от господина лишь пущей жесткости и сурового обхождения, Красавица немного покривила душой. Правда была в том, что любовь Тристана к своему господину произвела на нее сильнейшее впечатление. И слова принца глубоко повлияли на нее, даже когда она пыталась с ним спорить.

А затем были долгие ночи морского пути – ночи, полные одиночества, неудовлетворенного томления и бесконечных, назойливых размышлений обо всех поворотах ее судьбы и непостоянстве удачи. Тогда-то в ней и зародилась доселе неведомая, хрупкая потребность любви, желание преподнести господину или госпоже всю свою душу, ибо теперь она больше чем когда-либо нуждалась в равновесии и опоре.

Прибравший Красавицу юнец между тем нанес ей золотую краску на волосы лобка, старательно оттягивая каждую кудряшку и отпуская упругой пружинкой. Девушка едва сдерживалась, чтобы не задвигать бедрами. Затем к ее глазам поднесли пригоршню чудесных отборных жемчужин – и вскоре усеяли ими лобок, чем-то надежно приклеивая к коже. «Милые украшения!» – улыбнулась принцесса.

На мгновение она зажмурила глаза, ощущая, как остро заныло ее пустое, истомившееся лоно. Потом взглянула на Лорана, лицо которого за счет золотого рисунка приобрело восточный типаж. И соски, и толстый пенис принца были восхитительно напряжены. Как и лицо, его тело тоже было сплошь покрыто золотыми узорами, подчеркивавшими его впечатляющие размеры и мощь, а на лобке вместо жемчужин сияли несколько довольно крупных изумрудов.

Лоран улыбался трудившемуся над ним мальчишке, глядя на него так, словно мысленно стягивал с него причудливые шелка. Потом он повернул голову к Красавице и, медленно поднеся пальцы к губам, послал заметный только ей, легкий воздушный поцелуй. Принц лукаво подмигнул ей, и девушка еще острее почувствовала томление в разгоряченной промежности. Все же как он великолепен, этот Лоран!

«О, пожалуйста, только бы нас не разлучили!» – взмолилась про себя она. И не потому, что она хоть когда-либо подумывала завладеть Лораном (хотя это было весьма заманчиво!) – без соплеменников, в одиночку она здесь просто пропадет, погибнет...

И тут ее как громом поразила ужасная мысль: она совершенно не представляет, что с ней будет во владениях султана, и от нее здесь ровным счетом ничего не зависит! Отправляясь в городок, Красавица понимала, что ее там ждет: ей кое-что уже порассказали. И даже на подъезде к замку она знала, что с ней будут делать: кронпринц успел по пути подготовить ее к новой жизни. Но все, что связано с этими землями, полностью оставалось за пределами ее разума. И от этого внезапно нахлынувшего страха неизвестности она вся побледнела под своим затейливым золотым рисунком.

Наконец их группы жестами приказали своим питомцам подняться. Как всегда, нетерпеливо жестикулируя, они знаками велели пленникам застыть на месте, хранить молчание и вообще проявлять всяческую покорность и послушание – и невольники замерли, стоя кружком лицом друг к другу.

Красавица почувствовала, как ей приподняли и соединили за спиной руки, словно она была бестолковым существом, даже неспособным сделать это самостоятельно. Приставленный к ней юноша коснулся ладонью ее затылка и, когда девушка податливо склонила голову, легко поцеловал в щеку.

Застыв в этом положении, Красавица не могла отчетливо видеть остальных пленников. Она разглядела лишь, что Тристану тоже украсили жемчугом интимные места, и, натертый красящим маслом с головы до пят, он весь светился и блестел, а его светлые напудренные кудри казались даже более золотыми, нежели тело.

Искося взглянув на Дмитрия с Розалиндой, Красавица отметила, что оба они изукрашены яркими рубинами. Их иссиня-черные волосы волшебным контрастировали с натертыми блестя-

щими телами. Огромные глаза Розалинды казались сонными под густой опушкой накрашенных золотом ресниц. Широкий торс Дмитрия застыл в стесненной неподвижности, напоминая статую, хотя бедра его все же произвольно подрагивали.

Неожиданно юноша-служитель добавил Красавице чуть больше золотой краски на соски, и девушка невольно дернулась. Она не могла оторвать глаз от маленьких коричневатых пальцев, работавших с завораживающей сноровкой и такой ласковостью, от которой соски немилосердно затвердевали. Кроме того, девушка чувствовала каждую жемчужину, прицепленную к ее коже. Казалось, все часы, проведенные на море в одиночестве и неудовлетворенной страсти, теперь обостряли ее молчаливое томление плоти.

Однако для пленников было приготовлено совсем иное «развлечение». Не поднимая головы, Красавица украдкой проследила, как юноши извлекли из своих бездонных потайных карманов новые блестящие, пугающего вида штуковины – пары соединенных золотых зажимов, к которым крепились цепочки с тонкими, но явно прочными звеньями. Такие зажимы уже были, разумеется, неприятно знакомы Красавице. Но вот приделанные к ним цепочки... Они изрядно встревожили принцессу. Очень уж походили на поводки и к тому же были снабжены маленькими кожаными ручками.

Грум тронул девушке губы, требуя не издавать ни звука, затем быстро погладил ее правый сосок, зацепил кончик напрягшейся груди небольшим, похожим на плоскую ракушку золотым зажимом и с щелчком закрыл. И хотя окантована была эта прищепка белым мехом, держалась она крайне цепко и надежно. От болезненного ощущения в месте зажима у Красавицы тут же заныла вся кожа. Когда другая прищепка тоже была крепко посажена на место, туземец ухватил ладонью поводки за обе ручки и решительно потянул. Этого-то Красавица больше всего и боялась! Нечаянно вскрикнув, она резко дернулась вперед вслед за цепями.

Недовольный произведенным ею шумом, надзиратель сердито нахмурился и шлепнул пленницу по губам. Красавица склонила голову еще ниже, дивясь на две жалкие тонюсенькие цепочки, которые крепко захватили эти невероятно нежные и чувствительные части ее тела, тем самым получив над девушкой полнейшую власть.

Со сжавшимся от страха сердцем принцесса увидела, как приставленный к ней туземец вновь стиснул ладонь – поводья дернулись, и девушку за соски потянуло вперед. Она приглушенно застонала, на сей раз не осмелившись разомкнуть губы, за что снискала от юноши похвальный поцелуй. Внутри ее уже вновь поднималась мучительная волна желания.

«Нет, нас не могут вывести таким образом на берег!» – мысленно возмутилась она. Однако напротив себя она увидела Лорана, точно так же зацепленного, как и она. Принц покраснел от негодования, когда грум, потягивая за ненавистные цепочки, силой повлек его вперед. В этот момент Лоран имел куда более беспомощный вид, нежели в городке, привязанный к позорному кресту.

На мгновение Красавице припомнилось, как грубо и безжалостно ее наказывали в городке, и она еще болезненнее ощутила эти тонкие изящные узы, словно означавшие новую глубину ее рабского существования.

Она заметила, как миниатюрный грум Лорана одобрительно чмокнул того в щеку. Принц не вскрикивал, не стонал, однако член его произвольно подскакивал от напряжения. Тристан имел такой же откровенно жалкий вид, хотя и оставался, как всегда, чарующе прекрасным.

Соски у девушки болезненно затрепетали, словно их только что отстегали. Волна желания разлилась по всему телу, проникнув в каждый уголок, и Красавица невольно задвигалась, покачиваясь, словно в танце, не ступая, однако, с места. В голове у нее вновь забрезжили мечты о некой новой, совершенно особенной любви и не испытанной прежде страсти.

Но очень скоро из этих сладостных грез ее вырвали действия туземцев, снимавших со стены свои длинные упругие кожанные плетки. Как и все прочие предметы в этих землях, они

были сплошь усеяны драгоценными камнями, превращавшими их в увесистые орудия наказания, хотя и оставались гибкими, точно прутья нежной поросли.

Тут же Красавица почувствовала, как ее остро стегнуло по икрам, и сдвоенный поводок впереди повлек ее вперед. Ее повели вслед за Тристаном, которого надзиратель развернул в направлении к дверям. Остальных, судя по всему, выстроили цепочкой позади нее.

Впервые за две недели они покидали свое корабельное узилище!

Двери открылись, и Тристана потянули вверх по лесенке, плетью взбадривая его шаг хлесткими ударами по икрам. Хлынувший с верхней палубы свет моментально ослепил пленников. Одновременно, привыкших к долгой тишине, их едва не оглушил шум толпы – разногласный гул и отдаленные выкрики несметного числа иноземцев.

Красавица заторопилась вверх по ступенькам, ощущая босыми ногами тепло нагретого на солнце дерева. От резкого рывка за соски она снова испустила стон. Как все же гениально придумано – с такой легкостью вести рабов на столь изящных поводках! Все же эти туземцы отлично понимали своих пленников!

Видеть перед собой крепкие, точеные ягодицы Тристана было просто невыносимо. За спиной у нее тихо простонал Лоран, и девушка почувствовала некоторое беспокойство за Дмитрия и за Елену с Розалиндой.

Однако ее спешно вывели на палубу, и по обе стороны от себя Красавица увидела огромную толпу мужчин в длинных халатах и тюрбанах. За ними под безоблачно-ясным небом стояли высокие желтоватые строения из сырцового кирпича. Фактически пленники очутились в самой середине оживленного порта, и слева и справа от них тянулись вверх мачты других кораблей. Шум причала вкупе с ярким светом действовал обескураживающе.

«О, только бы нас не потащили на берег таким способом!» – снова мысленно взмолилась Красавица.

И тут же ее быстро провели вслед за Тристаном через палубу, потянули вниз по шатким, прогибающимся сходням. Соленый морской воздух внезапно смешался с жаром и пылью причала, с запахами животных, навоза, пеньки, раскаленного песка пустыни.

Песком были замечены и камни, на которых вскоре остановили пленников. И девушка не могла удержаться, чтобы не поднять голову и не окинуть взором неисчислимые толпы людей, оттесняемые от корабля мужчинами в тюрбанах, – сотни и сотни темнокожих лиц, с любопытством разглядывающих и ее, и остальных привезенных рабов. Рядом с туземцами виднелись верблюды и ослы, высоко нагруженные товарами. Там были мужчины всех возрастов, и все одеты в полосатые халаты. У многих на головах тоже имелись тюрбаны, у некоторых макушка была покрыта куфией – развевающимся головным убором жителя пустыни.

На мгновение вся храбрость вдруг покинула Красавицу. Это был далеко не городок во владениях королевы Элеоноры – нет, ее ждало нечто куда более реальное, нечто неизвестное и чуждое.

Влекущие ее цепочки с зажимами натянулись, и у девушки снова зашлось от страха сердце. Она увидела аляповато одетых мужчин, выступавших по четверо: каждая четверка несла на плечах длинные позолоченные шесты с открытыми, снабженными большой подушкой, носилками.

Тотчас же одну из таких подушек опустили перед Красавицей. И снова за тоненькие поводки пленницу потянули вперед, одновременно стегнув плетью под коленями. Девушка мгновенно все поняла и поскорее опустилась на подушку. Ее богатая отделка – красное с золотом – даже ослепила пленницу своим великолепием. Тут же Красавицу чуть откинули назад, усадив на пятки и разведя пошире колени. Чья-то теплая ладонь повелительно легла ей на шею, склонив голову ниже.

«Это будет невыносимо, – подумала Красавица, приглушив невольно вырвавшийся стон, – если нас в таком виде пронесут по всему городу. Почему бы нас не доставить потихоньку пред очи к его светлейшеству султану? Разве мы не королевские невольники?»

Впрочем, ей известен был ответ – она читала его на темных лицах, со всех сторон придвинувшихся к паланкину.

«Здесь мы всего лишь обычные рабы, ничего королевского при нас не осталось. Мы разве что очень дорогой, превосходного качества товар, равно как и прочий ценный груз, что вытаскивают сейчас из корабельных трюмов. Как могла королева такое допустить?!» – возмутилась она. Однако ее и без того зыбкая отвага быстро истаяла, словно растопленная жаром ее обнаженной плоти.

Грум деловито расставил ей колени еще шире, потом раздвинул опиравшиеся на пятки ягодицы. Девушка старалась быть как можно податливее.

«Ну да, очень удачная поза, – подумала она, исполнившись благоговейного трепета перед собравшейся толпой. – Так они смогут рассмотреть мои прелести, заглянуть в каждый мой интимный уголок».

Сердце ее тревожно колотилось, она никак не могла подавить в себе какое-то нехорошее предчувствие.

Держащие ее золотые поводки были ловко перекинуты через золоченый крюк, имевшийся перед подушкой, и натянуты так, что соски пребывали в постоянном сладостно-болезненном напряжении.

Сердце принцессы забилося еще чаще. Грум Красавицы, отчаянно жестикулируя, угрожающими знаками заклинал свою питомицу быть тихой и послушной. Испуганно засуетившись, он тронул ее за руки: мол, она ни в коем случае не должна ими шевелить! Но Красавица и так это знала. Еще никогда она так не старалась сохранять неподвижность.

Но могла ли увидеть эта толпа, как судорожно сжимается ее лоно в страждущем томлении, точно пытающийся глотнуть воздуха рот?

Между тем носильщики в тюрбанах аккуратно подняли ее транспорт на плечи, и у девушки едва не закружилась голова от осознания собственной открытости перед тысячами взоров. Впрочем, увидев впереди себя Тристана, усаженного на такую же подушку, и почувствовав, что она здесь не одинока, Красавица немного успокоилась.

Гудящая толпа немного расступилась, и небольшая процессия из шести паланкинов медленно двинулась через открывшееся от гавани, казавшееся бесконечным пространство.

После столь яростных предостережений грума девушка не осмеливалась даже чуточку шевельнуться. Справа и слева от нее медленно проплывал шумный, гомонящий базар: торговцы яркой керамикой расставляли свой товар на разноцветных коврах; где-то высились штабеля рулонов шелка и льна; изделия из кожи, из меди, серебряные и золотые украшения; клетки с порхающими в них, беспокойно щебечущими птицами; еда, которую готовили тут же, в исходящих ароматным паром котлах под запыхавшимися пологам палаток.

И весь гудящий базар уставился на проносимых по площади пленников. Одни молча застыли возле своих верблюдов, глядя на рабов во все глаза; другие – совсем еще юные туземцы с непокрытыми головами – бежали рядом с паланкином, разглядывая Красавицу, показывая пальцем и что-то непонятно лопоча.

Надсмотрщик девушки шагал слева от нее, изукрашенной плетью на ходу поправляя ее длинные волосы и то и дело сердито оттесняя от носилок чересчур назойливых зевак.

Красавица старалась ни на что не обращать внимания, кроме высоких светлых зданий, подступающих к ней все ближе и ближе.

Несли ее вверх под уклон, однако носильщики старались держать свой груз ровно. Девушка тоже изо всех сил пыталась сохранять требуемую позу, хотя грудь нещадно подни-

мало и тянуло кверху тоненькими цепочками с золотыми зажимами, от которых ее соски под палящим солнцем пробирала холодная дрожь.

Улица между тем круто пошла вверх. Вдоль домов струились потоки людей, и, отражаясь от каменных стен, их резкие выкрики казались оглушительно громкими.

«Любопытно, что они испытывают, глядя на нас?» – подумалось Красавице. Ее выставленное напоказ обнаженное лоно отчаянно пульсировало, словно само страдало от такой постыдности своего положения. «Они смотрят на нас как на зверей. Эти жалкие людишки даже на миг не способны представить, что подобная участь могла бы постигнуть их самих. Плохо бы им пришлось! Думают, только они могут нами обладать».

Золотая краска на теле ссохлась от жары, болезненно стянув кожу, причем особенно ощутимо – на стиснутых зажимами сосках.

И как ни старалась, Красавица не могла удерживать бедра в полной неподвижности. Внизу живота уже всюду клокотало желание, неумолимо расплескиваясь по всему телу. Взгляды туземцев словно ощупывали ее, томя и мучая, заставляя болезненно ощущать собственную опустошенность.

Наконец процессия добралась до конца улицы. Толпа вслед за носилками перетекла на открытое пространство, где уже собрались в ожидании не меньше тысячи любопытных. Рокот сотен голосов волнами вздымался и опадал. Толпе, казалось, не было конца и края, сотни людей пытались притиснуться поближе к паланкинам, чтобы как следует рассмотреть пленников великого султана.

И вот перед принцессой словно вырос высокий, величественный дворец с золотыми куполами. Солнце, ярко полыхнувшее на белых мраморных стенах здания, ослепило девушку. Мавританские арки, гигантские двери, украшенные золотым листовым орнаментом. Взмывающие ввысь стройные минареты, настолько изящные, что в сравнении с ними темные, суровые каменные замки Европы казались какими-то вульгарными и неуклюжими.

Процессия резко повернула влево, и на мгновение Красавица увидела едущего за ней следом Лорана, потом Елену с развевающимися на ветру длинными каштановыми волосами и уж затем разглядела темные неподвижные фигуры Дмитрия и Розалинды. Все пленники покорно замерли на своих больших подушках в паланкинах.

Мальчишки среди толпы, казалось, еще пуще раззадорились. Что-то радостно восклицая, они носились туда-сюда, как будто от близости к султанскому дворцу их живость только возрастала.

Вереница носилок между тем приблизилась к боковому входу, и стражники в тюрбанах, со свисающими с пояса длинными ятаганами оттеснили толпу, раскрывая перед процессией массивные сводчатые двери.

«О, наконец-то благословенная тишина!» – обрадовалась про себя Красавица. Она увидела, как Тристана пронесли в паланкине под арку, и тут же ее носильщики поспешили следом.

Вопреки ее ожиданиям, они очутились вовсе не на замковом дворе, а в длинном и просторном коридоре, стены которого были сплошь покрыты затейливыми мозаичными узорами. Даже каменный потолок, точно искусно затканый гобелен, красовался цветами, спиралями и изящными завитками.

Внезапно носильщики остановились. Дальние двери оказались закрыты, и вся процессия погрузилась в полутьму.

Только теперь Красавица заметила факелы на стенах и лампы в маленьких нишах. Большая компания темнолицых юношей, одетых в точности, как их корабельные группы, молча оглядела новых невольников.

Подушку с Красавицей опустили на пол. Тут же ее надзиратель сцапал поводки и потянул девушку на коленях вперед, на мраморный пол. Носильщики со своими паланкинами и подушками быстро исчезли в дверях, только их и видели. Красавицу толкнули вперед, заставив

опереться на руки, и нога грума, припечатавшись к ее затылку, заставила девушку коснуться лбом пола.

Принцесса задрожала, уловив заметную перемену в обхождении своего надсмотрщика. И когда его нога еще крепче, чуть ли не сердито, придавила Красавицу к полу, упершись ей в шею, девушка быстро поцеловала холодный мрамор, мучительно недоумевая, чего же от нее добиваются. Однако этот ее жест явно удовлетворял юного туземца, и он одобрительно похлопал ее по попе.

Теперь ей наконец подняли голову, и Красавица увидела, что прямо перед ней Тристана поставили на четвереньки. Аппетитные формы его крепких ягодичек еще больше растравили в ней томление плоти.

Между тем в немом изумлении девушка наблюдала, как тонкие золотые цепочки, тянувшиеся от ее схваченных зажимами сосков, пропустили Тристану между ног, под животом.

«Зачем это?» – недоумевала Красавица, даже когда зажимы еще крепче стиснулись на ее груди.

Но вскоре ей ясен стал ответ: она почувствовала, как пара золотых цепочек протянулась у нее самой между бедрами, мучительно раздражая лобок. Затем чья-то властная рука ухватила девушку за подбодородок, открыла ей рот и, точно удрила, запихнула кожаные ручки поводков, которые ей, судя по всему, надлежало крепко удерживать зубами.

Красавица поняла, что эти поводки прицеплены к Лорану, и теперь ей предстоит тянуть его вперед за эти злосчастные цепочки точно так же, как Тристан повлечет ее. И стоит ей хоть чуточку двинуть головой, это доставит Лорану еще больше мучений, в точности как Тристан, излишне сильно потянув за поводки, усилит ее пытку.

Представив это зрелище, Красавица почувствовала себя посрамленной до глубины души.

«Нас привязывают друг к другу, точно скотину, что ведут на рынок!» – возмутилась она. Мало того, тянущиеся под ней цепочки оглаживали бедра, касались лобка, щекоча губы, задевали ее упругий живот.

«Вы просто маленькие бесы!» – думала Красавица, косясь на мельтешащий рядом с ней шелковый халат своего грума. Тот без конца суетился возле пленницы, то поправляя ей волосы, то надавливая на спину и придавая пленнице еще более выгнутую позу, чтобы выше торчал зад. В какой-то момент девушка почувствовала, как зубья гребешка разглаживают ей волосы вокруг ануса, и ее лицо еще жгуче залилось краской стыда.

А Тристан – он что, специально так двигает головой, чтобы еще больше теребить ее соски?

Наконец один из надсмотрщиков хлопнул в ладоши. Кожаная плеть тут же лизнула Тристану икры и подошвы его голых ног. Принц тронулся вперед, и Красавица немедленно поспешила вслед за ним.

Не в силах побороть любопытство, она чуточку приподняла голову, чтобы глянуть хоть одним глазком на стены и потолок и тут же получила плетью по шее. После чего ее, как и Тристана, отхлестали по икрам и ступням. При этом поводки безжалостно подергивали ее за соски, словно существуя какой-то собственной, отдельной жизнью.

Удары плетей, нещадно поторапливающих пленников, становились все сильнее и громче. Потом Красавицу ощутимо пихнули туфлей в ягодички: похоже, им приказывали бежать. И когда Тристан набрал ход, девушка быстро подстроилась под его темп, ошеломленно припомнив, как однажды ей довелось бежать по королевской «Тропе наездников».

«Да, шевелись быстрее, – сказала она себе. – И голову держи пониже, как требуют. А ты думала, что во дворец к султану войдешь каким-то иным способом?»

Туземцы снаружи, возможно, с таким любопытством и тарасились на пленников, что видели в них едва ли не самых униженных, ничтожных существ. И все же это была, пожалуй,

единственно приемлемая поза для рабов наслаждений, ступающих в столь величественный дворец.

С каждым преодоленным дюймом Красавица чувствовала себя все более жалкой и несчастной. Грудь у нее горела, дыхание от бега сбилось, сердце колотилось бешено и гулко.

Коридор между тем сделался как будто шире и выше. Надсмотрщики толпились у них по бокам. Хотя все так же Красавица видела слева и справа от себя арочные дверные проемы, за которыми различались похожие на пещеры маленькие комнаты, тоже отделанные чудесным цветным мрамором.

Грандиозность и солидность этого места сильно подействовала на Красавицу. Глаза у нее зажгло от непрошенных слез. Среди этого пышного убранства она почувствовала себя таким маленьким, никчемным, ничего не значащим созданием!

И в то же время в этом ощущении было нечто совершенно неожиданное и поразительное. Да, она была всего лишь жалкой крупинкой в этом огромном мире – и тем не менее она словно нашла свое настоящее место, куда более определенное, нежели в королевском замке или даже в городке.

Соски ее, не унимаясь, пульсировали в тисках опущенных мехом зажимов. Случайные вспышки солнечного света то и дело слепили глаза.

В горле у девушки стало тесно, по всему телу разлилась неодолимая слабость. Ее внезапно окутали запахи корицы, кедровой смолы, восточных благовоний. И она поняла, что в этом мире богатства и великолепия царят тишина и покой, нарушаемые лишь звуками движущейся по коридору цепочки рабов и охаживающих их плетей. Даже надсмотрщики не производили малейшего шума, если не считать мягкого шуршания их шелковых одежд. И эта изумительная тишина казалась ей частью здешнего роскошного дворца, продолжением той роковой силы, что ныне поглощала и подчиняла пленников.

И чем глубже они погружались в лабиринт коридоров, тем все меньше юных грумов сопровождало их, пока наконец не остался один-единственный мучитель с не знающей покоя плетью. Небольшая процессия несколько раз повернула, спустилась ниже, попав в более широкие коридоры, и краешком глаза Красавица заметила странные скульптуры, установленные в тесных нишах для украшения проходных зал.

И вдруг она поняла, что никакие это не статуи – это помещенные в ниши живые рабы!

Наконец ей удалось получше в них всмотреться.

Каждая фигура была крепко спеленута от шеи до пят в крашенное золотом полотно. Открытыми остались лишь вздернутая широким ошейником голова да выставленные напоказ, сияющие золотистой краской гениталии.

Мужчины стояли связанными, выпятив вперед интимные места, женщины – с широко раздвинутыми и по отдельности обмотанными золотой тканью ногами, оставался открытым лишь лобок.

Все они замерли неподвижно, надежно удерживаемые за шею широкой золотой скобой, штырем прикрепленной позади к стене. Некоторые узники закрыли глаза и оттого казались спящими. Другие, несмотря на приподнятое положение головы, уныло глядели в пол.

Многие из них были такими же темнокожими, как надсмотрщики, и обладали характерными для людей пустыни роскошными длинными черными ресницами. Таких белокурых пленников, как Красавица с Тристаном, как будто среди них не имелось. И все до единого были покрыты золотистой краской.

С легкой паникой Красавица припомнила вдруг слова королевского посланника, сказанные незадолго до того, как они покинули родные края: «Хотя у султана предостаточно рабов из собственных земель, такие, как вы, пленники, принцы и принцессы, являют для него особую изюминку и вообще редкостную диковину».

«А значит, – заключила Красавица, – нас не могут так вот связать и распихать по нишам, как этих бедолаг. И мы не затеряемся среди многих десятков невольников, просто-напросто украшающих коридоры дворца».

Но в то же время ей открылась и другая истина: этот пресловутый султан владел таким несметным количеством рабов, что с Красавицей и ее товарищами по неволе могло здесь ровным счетом ничего не приключиться.

Спеша дальше по коридору на четвереньках, уже с поднывающими от жесткого мрамора ладонями и коленками, девушка все изучала взглядом «статуи». У каждого пленника, судя по всему, руки сложены за спиной; золоченые соски открыты, и у некоторых прихвачены зажимами. У каждого волосы старательно зачесаны назад, открывая взору убранные драгоценностями уши.

Какими нежными и чувственными выглядели эти уши и как они сейчас напоминали интимные места!

Красавицу внезапно захлестнула волна страха. Тут же она содрогнулась при мысли, что может сейчас испытывать Тристан – Тристан, так алчущий любви одного господина. А Лоран? Каково ему это видеть после наказания на городском позорном кресте, где он был единственным и уникальным в своем роде?

Тут ее снова резко потянули за цепочки, и в сосках возник острый зуд. Неожиданно плетъ легонько заиграла у нее между ног, мягко поглаживая анус и губы вульвы.

«Ах ты, маленький зловерный демон!» – мысленно ругнулась принцесса. И все же, когда по всему телу пробежало будоражащее покалывание, девушка изогнула спину, толкнувшись ягодицами вверх, и двинулась вперед оживленнее.

Они приближались к двойным дверям. С удивлением Красавица обнаружила, что к одной двери привязан невольник, а к другой – невольница. Оба раба были полностью обнажены, никакие ткани их не обматывали. Лишь золотые повязки обхватывали им бедра, талию, шею, лоб, лодыжки и запястья, распластывая несчастных на дверях с широко разведенными коленями и сложенными вместе босыми подошвами. Руки их были воздеты над головой ладонями наружу. Лица оставались неподвижны, глаза низко опущены, а во рту у каждого красовалась изящно уложенная виноградная гроздь в окружении листьев – все это, как и тело, было покрыто золотой краской, что придавало обоим созданиям еще большую схожесть со скульптурами.

Двери открылись, и процессия миновала этих застывших «стражей». Невольники замедлили ход, и Красавица очутилась посреди огромного внутреннего двора. Повсюду стояли большие кадки с пальмами, пестрели цветники, огороженные мрамором.

На плитках перед девушкой весело играли солнечные пятна. Запах цветов неожиданно придал ей новых сил. Вокруг нее разливалось всевозможное разноцветье красок... И в следующее мгновение, замерев от прозрения, Красавица вдруг обнаружила, что весь этот огромный сад уставлен позолоченными прекрасными созданиями, как томящимися к клеткам, так и стоящими в разных живописных позах на мраморных постаментах.

Тут принцессу вынудили остановиться. Изо рта у нее вынули наконец поводки. Надсмотрщик встал сбоку от девушки, собрав в ладонь прикрепленные к ней цепочки. Между бедрами игриво, щекочуще загуляла плетка, заставляя раздвинуть ноги чуть пошире. Затем чья-то рука ласково погладила ее по волосам. Слева от себя Красавица увидела Тристана, справа – Лорана и поняла, что невольников поставили полукругом.

Компания грумов принялась громко болтать между собой и смеяться, словно избавившись наконец от долгого вынужденного молчания. Горячо жестикулируя, они обступили пленников.

Затылок Красавице снова придавили туфлей, заставив девушку так низко склонить голову, что она коснулась губами мраморного пола. Краешком глаза она отметила, что и Лорана, и других невольников вынудили принять ту же смиренную позу.

Шелестящей радугой разноцветных шелков их окружили халаты грумов. Шум их разговоров казался даже громче, нежели уличный гомон толпы. Согнувшись на коленях Красавица вздрогнула, почувствовав, как чьи-то ладони провели ей по спине, поправили волосы, плетью раздвинули ноги еще шире. Одетые в шелка надсмотрщики остановились между ней и Тристаном, загородили от нее Лорана.

Внезапно в саду повисла гнетущая тишина, полностью уничтожившая остатки и без того хрупкого самообладания принцессы.

Грумы вдруг пропали, точно их смахнуло в сторону. Единственными звуками, наполнявшими теперь двор, были щебетанье птиц да мелодичное позвякивание «музыки ветра».

Потом Красавица различила приближающееся к ней шарканье мягких туфель...

Проверка в саду

В сад между тем вошел не один человек, а целых трое. Впрочем, двое сразу остались стоять у входа, в то время как первый неспешно приблизился к пленникам.

В разом воцарившемся напряженном молчании Красавица увидела ноги и подол халата двинувшегося по кругу незнакомца, богатую ткань и бархатные туфли с лихо закрученными носками, на каждом из которых переливался крупный рубин. Мужчина ступал неторопливыми мелкими шажками, словно внимательнейшим образом обследовал каждую представшую его взору подробность.

Когда он приблизился к Красавице, она затаила дыхание. Она чуть скосила глаза, когда носок винно-красной бархатной туфли легонько коснулся ее щеки, потом ненадолго задержался на затылке, после чего проследовал вдоль всего хребта.

Девушка вся задрожала, не в силах справиться с собой, и громко простонала, самой себе показавшись невероятно дерзкой. Однако на сей раз никакого наказания не последовало. Ей даже как будто послышался легкий смешок. Затем незнакомец произнес какую-то фразу – таким тихим, мягким голосом, что у принцессы вновь на глаза навернулись слезы. Каким умиротворяющим, несказанно мелодичным был этот голос! Может, как раз непонятность этой речи и делала ее еще более задушевной? Но все же Красавице невероятно хотелось узнать, что же именно сказал незнакомец.

Разумеется, слова адресовались вовсе не ей, а одному из двоих сопровождавших его мужчин. Но голос... Этот голос действовал на Красавицу волнующе, пленяя ее, соблазняя, очаровывая...

Внезапно она почувствовала, как цепочки туго натянулись. Соски у нее тут же затвердели, и покалывающий трепет от них мгновенно дотянулся своими будоражащими щупальцами до паха.

Неуверенно, испуганно девушка поднялась на коленях, и тут же, потянув за поводки, ее поставили на ноги. Груды у принцессы горели, лицо пылало румянцем.

На какое-то мгновение непомерный простор этого сада впечатлил Красавицу. Привязанные тут и там невольники, великое изобилие цветов, поразительно ясное голубое небо, большое скопление поджидающих ее надсмотрщиков... И наконец, стоящий рядом незнакомец.

Куда ей положено деть руки? Красавица заложила их за шею и застыла, опустив взор к плиткам под ногами, едва угадывая неясный силуэт господина, остановившегося перед ней лицом к лицу.

Он был намного выше малорослых юнцов-надсмотрщиков. Этаким стройный великан, весьма элегантно сложенный, который благодаря начальственной манере держаться казался намного старше остальных. Кстати, именно он потянул Красавицу вверх за цепочки и сейчас по-прежнему удерживал их ручки в ладони.

Совершенно неожиданно он переложил поводки из правой руки в левую и освободившейся ладонью с силой хлопнул девушку снизу по грудям, изрядно испугав ее. Красавица прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Однако жаркая податливость тела удивила ее саму. Она вся затрепетала от желания, чтобы к ней снова прикоснулись, отшлепали ее, подвергли еще большему уничижительному насилию.

Пытаясь внутренне собраться, она мельком глянула на незнакомца и увидела темные волнистые волосы едва ли не до плеч и глаза, такие черные, что казались нарисованными густыми чернилами, где вместо радужных оболочек блестели крупные бусины агата.

«Какими все же впечатляющими бывают эти люди пустыни», – подумала Красавица. И тут все ее мечтания в корабельном заточении разом всколыхнулись, словно поднимая ее на смех. Полюбить *его*?! Полюбить того, кто всего лишь такой же слуга, как и прочие?

И все же сквозь страх и волнение лик сурового туземца проник, как будто прожесся, в ее воображение. Внезапно в этом лице Красавица различила нечто невероятное. Оно было каким-то... совершенно невинным.

Снова последовали звучные шлепки, и Красавица непроизвольно попятилась назад, не в силах остановиться. Грудь ее налилась жаром. И тут же сублильный грум стегнул ее плетью по непослушным ногам. Принцесса застыла на месте, досадуя из-за своей оплошности.

Мужчина заговорил снова, и его голос был, как и прежде, мягким и мелодичным, ласкающим слух. Однако сказанное им повергло юных надсмотрщиков в целый шквал деятельности.

Красавица почувствовала, как гладкие шелковистые пальцы грумов ухватили ее за лодыжки и запястья, и, не успевшая она понять, что происходит, девушку быстро подхватили на руки, подняли ей ноги под прямым углом и широко развели в стороны. Руки ей, крепко держа, вытянули над головой, а спину и голову надежно подперли снизу.

От страха Красавица судорожно вздрагивала, бедра ныли, лоно оказалось безжалостно разверстым. Затем она почувствовала, как еще одна пара рук приподняла ей голову. Девушка заглянула прямо в глаза загадочному великану, своему новому господину, и встретила его лучистую улыбку.

О, он был невероятно красив! На миг Красавица отвела взгляд, ее веки затрепетали. Наружные уголки его больших миндалевидных глаз слегка приподнимались, сообщая им какой-то зловещий оттенок, рот был крупным, чувственным и чрезвычайно манящим. Несмотря на кажущуюся на первый взгляд невинность, простодушие облика, этот мужчина источал явственный дух беспощадности. Красавица ощущала исходящую от него угрозу – об этом вещало каждое его прикосновение. А потому удерживаемая перед ним с широко разведенными ногами принцесса поддалась невольной панике.

Словно для того, чтобы закрепить свою власть над ней, господин молниеносным движением шлепнул девушку по лицу, и она, не удержавшись, тихонько заскулила.

Рука хозяина поднялась снова, шлепнула ее по правой щеке, потом снова по левой, пока Красавица не заплакала уже в голос.

«Но что я такого сделала?!» – недоумевала она. Однако сквозь слезы девушка увидела в лице мужчины одно любопытство. Он, оказывается, изучал ее! И никакое это было не просто-душье, она неверно рассудила. В нем пылало лишь восхищение тем, что сам он делал.

«Итак, это просто проверка, – попыталась она себя убедить. – Интересно, прошла я ее или провалила?» И содрогнулась, увидев, что туземец снова поднимает руки.

Мужчина закинул Красавице голову назад, деловито открыл ей рот, тронул пальцами язык, прошелся по зубам. По коже девушки пробежал озноб, и ее тело в цепких руках надсмотрщиков судорожно дернулось. Пытливые пальцы туземца неторопливо коснулись ее век, бровей. Утерли слезы, что сами собой катились по лицу.

И наконец, она почувствовала его пальцы на своей обнаженной, широко раскрытой вульве. Большие пальцы мужчины проникли к вагине, медленно растянув ее до невозможности вширь, и бедра Красавицы предательски дернулись вперед.

Ей казалось, она сейчас взорвется в исступлении оргазма, не в силах больше сдерживать себя. Но разве же это здесь запрещено? И как ее, интересно, за это могут наказать?

Принцесса отчаянно мотала головой из стороны в сторону, еще пытаясь подчинить себе собственную плоть... Но эти пальцы были настолько ласковыми, мягкими, неторопливыми и в то же время такими уверенными и настойчивыми. Если только они примутся ощупывать клитор, она пропала. Тогда она уже точно не сумеет обуздать свою страсть...

Но, к счастью, на этом туземец убрал от нее руки, напоследок слегка подергав за кудряшки на лобке да легким щипком сведя вместе губы.

Ошеломленная, Красавица наклонила голову, и вид собственной беспомощной наготы полностью лишил ее присутствия духа. Новый господин между тем повернулся и прищелкнул

пальцами. И сквозь спутавшиеся пряди волос девушка разглядела, что шустрые надсмотрщики точно так же, как и ее, в мгновение ока подняли Елену.

Та изо всех сил старалась сохранить самообладание. Ее темно-розовое лоно влажно проглядывало из буроватого венка коротких кудряшек, длинные изящные бедра подрагивали мускулами. Красавица в страхе наблюдала, как господин принялся с той же дотошностью изучать другую невольницу.

Пока хозяин занимался ртом Елены, разглядывая ее зубы, высокие и острые груди пленницы заметно набухли. Однако, получив свою порцию шлепков, Елена не обронила ни звука.

Увиденное в этот момент лицо господина еще больше озадачило Красавицу. Как заинтересован казался он осмотром рабов, сколь поглощен был собственными действиями! Даже свирепейший господин новообращенных в замке королевы не был настолько предан своей роли. Кроме того, этот человек был поистине очарователен. Богатый бархатный халат восхитительно сидел на его прямой спине и плечах. С притягательной грациозностью в каждом движении он сейчас разглядывал Елену, раздвигая ей пальцами покрасневшие интимные губы, отчего бедняжка-принцесса, не в силах сдерживать томление, постыдно вскидывала ему навстречу бедра.

При виде обнаженных прелестей Елены – влажных, налившихся соками и столь явственно алчущих наслаждения – Красавица после столь долгой неутоленности плоти испытала острое отчаяние. И когда господин, улыбнувшись, погладил пленницу по волосам, мягко отведя их со лба, чтобы получше рассмотреть глаза, Красавица почувствовала неожиданный укол ревности.

«Нет, полюбить кого-то из них было бы просто отвратительно!» – осекла она себя. Она ни за что не отдаст кому-то свое сердце!

Теперь девушка уже старалась не глядеть на происходящее. Ее разведенные ноги мелко подрагивали в руках у грумов, державших пленницу все так же крепко. Лоно невыносимо набухло, требуя насыщения.

Однако Красавицу ожидало уже новое зрелище: оставив Елену, туземец отступил к Тристану. И теперь уже принца подняли юноши на руках, точно так же разведя ему широко ноги. Красавица заметила, что худосочные грумы едва удерживают вес крупного принца.

Господин принялся скрупулезно изучать его затвердевший, отчаянно толкающийся член, и прекрасное лицо принца напряглось и зарделось в муке унижения. Пальцы хозяина потеряли сперва крайнюю плоть, затем поиграли с лоснящейся головкой, выдавив из нее каплю блестящей влаги. Краем глаза Красавица видела, как Тристан весь напрягся телом, но уже не отважилась поднять глаза к его лицу, когда туземец взялся рассматривать голову пленника.

Словно в тумане, видела она искоса лицо господина, его необычайно огромные, чернильно-черные глаза и отведенные за ухо волосы, открывавшие мочку с маленьким золотым кольцом.

Потом он отвесил Тристану пощечины – так сильно, что звук ударов, казалось, эхом прокатился по саду, – и Красавица плотно зажмурила глаза. Тристан глухо застонал.

Девушка вновь открыла глаза, когда господин негромко хохотнул себе под нос, проходя мимо нее, и тут же увидела, как его рука рассеянно потянулась ущипнуть ее за грудь. На глаза вновь накатились слезы. Пытаясь уяснить для себя исход осмотра, Красавица старательно отмахивалась от того факта, что этот человек притягивал ее больше, чем кто-либо, кому доселе доводилось ею владеть.

Теперь справа от нее и чуть впереди оказался Лоран, которого надсмотрщики так же подняли для подробного осмотра господином. И когда юнцы все же справились с верзилой-принцем, хозяин испустил какую-то быструю реплику, что тут же всех грумов повергло в хохот.

Впрочем, Красавица все поняла и без перевода: Лоран был исключительно могуче сложен и обладал поистине впечатляющим членом. Его орган, окрепший и налитой, как следует вымуштрованный еще в замке, вздымался вверх, и при виде рельефных мускулистых бедер

принца, разведенных до предела вширь, на девушку нахлынули смутные, похожие на бред воспоминания о его пребывании на позорном кресте. Она старалась не смотреть на невероятно крупную мошонку Лорана и все же никак не могла оторвать от нее взгляд.

Господина между тем столь непомерное достоинство невольника привело в чрезвычайное оживление, и для начала он несколько раз и неожиданно часто ударил Лорана по лицу тыльной стороной ладони. Огромный торс принца резко изогнулся, так что надсмотрщики едва смогли его удержать.

И когда господин отцепил от груди Лорана зажимы, скинув их на землю, и крепко стиснул пальцами соски, тот громко, мучительно застонал.

Однако между ними произошло и кое-что еще, и Красавица это заметила. С самого начала осмотра Лоран время от времени устремлял на господина прямой открытый взгляд – и наконец глаза их встретились. И вот теперь, когда ему снова немилосердно сжали соски, Лоран напряженно уставился в глаза хозяину.

«Не надо, Лоран, – в отчаянии взывала к нему Красавица. – Не искушай их. Здесь тебе не будет ореола славы знаменитого позорного креста – лишь бесконечные коридоры и полное забвение». И все же принцесса была совершенно очарована тем, сколь отважен этот принц.

Тем временем господин обошел кругом Лорана вместе с державшими того грумами, забрал у одного из рук кожаную плеть и принялся яростно стегать принца по груди. Не в силах сдерживать стоны, Лоран все же отвернул голову от хозяина. Мускулы его шеи были напряжены как канаты, руки и ноги мелко подрагивали.

Господин же, как и прежде, исполнился сосредоточенности и чрезвычайной заинтересованности осмотром пленника. Он сделал быстрый жест одному из людей, и ему тут же поднесли длинную, на все предплечье, кожаную перчатку – изумительно красивую, с затейливыми золотыми узорами от кончиков пальцев до большого отворота на раструбе. Она вся лоснилась жирным блеском, щедро смазанная некой мазью или густым бальзамом.

И когда господин неспешно натянул эту перчатку на правую руку до самого локтя, Красавицу буквально затопило жаркой волной возбуждения. Глаза туземца притом были по-мальчишески пытливыми, рот застыл в неотразимой улыбке, грациозность тела, с которой он придвинулся к Лорану, просто околдовывала.

Лево́й рукой он дотянулся до головы принца, напряженно уставившегося вверх, и, запустив пальцы в волосы, обхватил его затылок. Правая же рука в перчатке неторопливо скользнула к открытой промежности невольника и сперва двумя пальцами проникла ему в анус. Красавица, забыв о требуемой скромности, смотрела во все глаза.

Дыхание Лорана сделалось хриплым и частым, лицо потемнело. Вот в его теле скрылись пальцы в перчатке, и казалось, будто остальная кисть пытается пробраться туда следом.

Грумы чуть сдвинулись по сторонам, и Красавица увидела, что Тристан с Еленой тоже с нескрываемым вниманием следят за происходящим.

Между тем господин, казалось, не видел ничего вокруг, кроме Лорана. Он в упор взирал на лицо невольника, который ерзал и крутил головой от наслаждения и боли, в то время как рука в перчатке медленно погружалась все глубже и глубже в его плоть. Вот она исчезла до запястья, и Лоран уже не подрагивал телом – он словно весь застыл, лишь испустив сквозь зубы протяжный, свистящий стон.

Лево́й рукой господин приподнял подбородок принца и склонился над юношей так, что их лица оказались почти вплотную друг к другу. И в долгой напряженной тишине рука его водвинулась в плоть принца еще глубже – Лоран же словно пребывал в беспамятстве, лишь отвердевший член его неподвижно вздымался, и крошечные капельки прозрачной влаги сочились с его конца.

От этого зрелища Красавица непроизвольно напряглась, затем разом обмякла – и вновь ощутила себя на грани оргазма. Она попыталась отогнать от себя это состояние, однако почув-

ствовала себя слабой и совершенно безвольной. И поддерживавшие ее руки юношей теперь словно ласкали ее своей крепкой хваткой, доставляя поистине любовное наслаждение.

Все еще не отпуская невольника, господин повел правую руку вперед, приподнимая таз принца. Массивная мошонка Лорана выпятилась еще больше, и взорам открылась блестящая золотая перчатка, до невозможных размеров расширившая красный кружок его ануса.

Внезапно Лоран исторгнул крик, хриплый и задыхающийся, как будто молящий о пощаде. Господин застыл, склонившись над неподвижным принцем, губы их почти соприкасались. Затем левая рука его отпустила затылок пленника, скользнула по лицу и, подобравшись ко рту, пальцем властно раздвинула губы. И тут из глаз Лорана покатались слезы.

В то же мгновение господин быстро вытянул правую руку и, сдернув перчатку, небрежно отбросил в сторону. Лоран же с пунцовым лицом бессильно повис, откинув голову, в цепких руках надсмотрщиков.

Туземец буркнул какую-то реплику, и грумы вновь с готовностью рассмеялись. Один из юношей вернул на грудь пленнику зажимы, и Лоран болезненно поморщился. Мимолетным жестом хозяин велел поставить пленника на пол, и, послушно выполнив это, грумы неожиданно прицепили цепочки-поводки принца к золотому кольцу на заднике туфли господина.

«О нет, это чудовище не может так вот забрать его от нас!» – возмутилась про себя Красавица. Но это было лишь то, что в ее мыслях взметнулось на поверхность – в глубине души девушка испугалась, что только Лоран, один-единственный из них, был отобран господином.

Между тем всех невольников опустили на пол, и в следующее мгновение Красавица очутилась уже на четвереньках, с низко опущенной головой, прижатой бархатным носком туфли, и осознала, что рядом с ней в тех же позах Тристан с Еленой и что всех троих тянут за цепочки от зажимов на груди прочь из сада, погоняя плетями.

Справа она увидела подол халата своего нового господина, а за ним – скорчившуюся фигуру Лорана, пытавшегося приноровиться к шагам хозяина. Цепочки от сосков пленника надежно крепились к ноге господина, и принц семенил на четвереньках следом, опустив голову, так что каштановые волосы, словно из сострадания, скрывали от всех его несчастное лицо.

Но где же остались Дмитрий с Розалиндой? Почему новый хозяин их отбраковал? Или их забрал себе один из тех мужчин, что пришли в сад вместе с господином?

Пока что Красавица никак не могла это узнать. И коридор, по которому их вели, ей казался бесконечным.

Впрочем, на самом деле она не очень-то тревожилась за Дмитрия и Розалинду. Что в действительности ей было важно, так это то, что они с Тристаном, Лораном и Еленой оказались вместе. И, конечно же, тот факт, что новый их господин – этот полный загадок, высокий, невыразимо грациозный мужчина – ступает справа от нее, совсем близко.

Его расшитый узорами халат легонько обмахивал девушке плечо, когда хозяин чуть уходил вперед, увлекая следом за собой невольно торопящегося за его шагом Лорана. Красавица на цепочке спешила за ними следом, и плети то и дело оглаживали ей бока и ягодицы, прохаживались по лобку.

Наконец они добрались до другой двойной двери, и невольников загнали плетями в большую, освещенную масляными лампами комнату. Снова решительно придавив девушке туфель затылок, ей велели остановиться, и затем она обнаружила, что сопровождавших надсмотрщиков выставили из комнаты, и дверь за ними закрылась.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь учащенным дыханием пленных принцев и принцесс.

Храня молчание, господин неспешно прошествовал мимо Красавицы к дверям, толкнул задвижку, провернул ключ.

Снова воцарилась тишина.

Наконец Красавица снова услышала мелодичный голос, низкий и бархатный, и на сей раз, чарующе выделяя слоги, он произнес на родном ее языке:

– Ну что, мои дорогие, можете придвинуться поближе и встать передо мной на колени. Я много чего намерен вам сказать.

Загадочный господин

Стоит ли говорить, какой шок испытали пленники!

Тут же группа рабов послушно подползла ближе, волоча по полу золоченые поводки, и встала на колени полукругом перед хозяином. Даже Лорана отцепили наконец от туфли господина, и он смог примоститься рядом с остальными. И вот, когда они застыли перед властным туземцем, сложив руки за головой, тот сказал:

– Посмотрите на меня.

Красавица подняла взгляд к его лицу и обнаружила те же обаяние и непостижимость, что отметила еще в саду. На этот раз оно показалось ей еще более правильным, с полными, манящими, изящно очерченными губами, с длинным тонким носом, с красиво расставленными, лучащимися превосходством глазами, – и все же черты его были пронизаны тем таинственным духом, что с самого начала так притягательно подействовал на девушку.

Когда господин неторопливо переводил взгляд с одного пленника на другого, Красавица почувствовала, как их четверых постепенно охватывает волна возбуждения, и сама испытала невыразимый восторг.

«О да, он просто великолепен!» – мысленно восхитилась принцесса, и образы крон-принца, доставившего ее во владения королевы, и грубого капитана стражи в городке в этот момент готовы были полностью истаять в ее памяти.

– Драгоценные мои рабы, – заговорил туземец, на краткий волнительный миг остановив взор на Красавице, – вам хорошо известно, куда вы попали и почему. Наши воины силой доставили вас сюда, чтобы служить своему господину и повелителю. – Таким медоточивым был его голос, столь непосредственно-чувственным казалось лицо! – И вам известно, что служить вам доведется в полном молчании. Для слуг, что вас все это время холили, вы всего лишь жалкие бессловесные твари. Но я, управляющий при дворе султана, отнюдь не разделяю заблуждений, будто бы чрезмерная чувственность разрушает человеческий рассудок.

«Разумеется, нет», – подумала Красавица, однако не отважилась это озвучить. Ее интерес к этому мужчине с каждым мгновением делался все глубже и опаснее.

– Те несколько рабов, что я обычно отбираю, – продолжал он, вновь скользя взглядом по пленникам, – которых я довожу до совершенства и предлагаю ко двору султана, неизменно посвящены в мои намерения, знают о моих требованиях и о моем грозном нраве. Но все это остается лишь в пределах этой комнаты. В своих покоях я желаю, чтобы моя метода стала всем предельно ясна и все мои ожидания относительно вас были исключительно прозрачны.

Плавнo сместившись, управляющий навис над Красавицей и, потянувшись рукой к ее груди, ущипнул уже чуть сильнее, чем в прошлый раз, и жаркий трепет мгновенно пробежал по ее телу от напрягшихся сосков до низа живота. Другой рукой господин погладил по щеке Лорана, слегка задев большим пальцем губу, и Красавица, забывшись, повернулась посмотреть на его скупую ласку.

– А вот этого ты не станешь делать, принцесса, – произнес туземец и отвесил Красавице тяжелую пощечину. С горящим лицом она низко опустила голову. – Ты будешь смотреть лишь на меня, пока я не велю тебе иного.

На девушку вмиг нахлынули слезы. Как она могла так оплошать?!

Однако в его голосе вовсе не было гнева – лишь мягкая снисходительность. Мужчина ласково приподнял ей подбородок, и принцесса сквозь слезы устремила взор на господина.

– Знаешь ли ты, чего я хочу от тебя, Красавица? Отвечай мне.

– Нет, господин, – поспешно ответила она, не узнав собственного голоса.

– Чтобы ради меня ты достигла совершенства, – сказал он спокойно, голосом, полным логики и здравого смысла. – Этого я желаю добиться от всех вас. Что вы станете чем-то совер-

шенно уникальным в этой несметной массе рабов, в которой вы можете затеряться, точно горсть бриллиантов в океане. Что вы будете не просто выделяться своей особой податливостью, но станете блистать редкостной и пылкой страстью. Вы возвысите себя над толпой рабов! Вы очаруете своих повелителей и повелительниц таким великолепием и блеском, который всех прочих невольников помрачит и повергнет в ничтожество. Я ясно выражаюсь?

Красавица с трудом держалась, чтобы шумно не вздохнуть от волнения. Она заворуженно смотрела на управляющего, не в силах отвести взор. Никогда прежде она не испытывала такого переполнявшего ее желания кому-то подчиняться. Сквозившая в его голосе уверенная настойчивость разительно отличалась от тех интонаций, с которыми ее, помнится, наставляли в замке или же наказывали в городке. Ей казалось, будто рядом с этим человеком она утрачивает даже самые очертания своей личности. Она словно медленно плавилась перед ним.

– И это вы сделаете для меня. – Его голос стал еще более проникновенным, убедительным, более сочным. – Вы будете стараться для меня так же, как и для своих высоких властелинов. Потому что я желаю этого от вас!

Тут он цепко ухватил Красавицу за горло:

– Дай-ка я еще раз послушаю твой голос, малышка. В моих покоях вы будете обращаться ко мне, только чтобы сказать, что хотите доставить мне удовольствие.

– Да, господин, – произнесла Красавица. Собственный голос снова показался девушке чужим, его словно переполняли чувства, доселе ей неведомые. Теплые пальцы туземца мягко гладили ей горло, как будто ласкали каждое произносимое ею слово, выманивая его наружу и придавая необходимое звучание.

– Вы сами видели, во дворце сотни слуг, – продолжал он и, сузив глаза, обратил взор на остальных пленников, – и эти сотни призваны готовить для услаждения нашего Всемиловейшего султана и сочных куропаточек, и молодых мускулистых оленей, и крепких могучих волов. Но я, Лексиус, являюсь главным управляющим, которому подчиняются все слуги. И именно я отбираю и представляю ко двору лучших живых игрушек для забав нашего повелителя.

Даже это он проговорил без малейшей злости или нажима. Но когда он вновь воззрился на Красавицу, его глаза расширились от буквально быющей из них внутренней мощи, и этот яростный, как будто гневный, взгляд сильно напугал девушку. Рука его между тем мягко потирала ей заднюю сторону шеи, большой палец ласково водил по горлу.

– Да, господин, – неожиданно для себя прошептала принцесса.

– Да-да, именно так, моя милая крошка, – проникновенно молвил ей туземец.

Но вдруг его взгляд омрачился, голос стал тихим и невзрачным:

– И речи быть не может, чтобы вы не стали выделяться из прочих рабов, что, кинув на вас единый взгляд, великие светила этого дворца не потянутся сорвать вас, точно спелый фрукт, что вы не будете радовать и восхищать меня своей красотой и прелестью, своей молчаливостью, своей пылкостью и неистовой, всепоглощающей страстью.

У Красавицы снова заструились слезы по щекам.

Управляющий медленно убрал от нее руку, и девушка внезапно почувствовала себя брошенной, словно оставшись в холодном одиночестве. Тишайший всхлип вырвался из ее груди, но господин его все же услышал.

– Божественная маленькая принцесса, – прошептал он. – Видишь ли, мы – *никто*, пропавшие люди, пока нас не заметят, не изберут.

– Да, господин, – вновь прошептала Красавица. Чего бы она ни сделала, лишь бы он тронул ее пальцами, придержал рукой! И этот осязаемый оттенок печали в его голосе поразил ее, пленив еще сильнее. О, если б она могла хотя бы поцеловать его ступню...

И, повинувшись внезапному порыву, принцесса припала к мраморному полу и коснулась губами его туфли, целуя снова и снова. Непостижимо, как это слово «никто», произнесенное им, так восхитило ее!

Наконец, поднявшись, девушка застыла на коленях со сцепленными за головой руками, смиренно опустив глаза. Ее вполне могли отлупить за то, что она сделала. От слез казалось, будто вся эта комната с ее ослепительно-белым мрамором и позолотой на дверях – суть несчислимое множество сверкающих светом граней. Почему же этот человек производит на принцессу такой эффект? Почему...

«Никто» – это слово мелодичным эхом отзывалось у нее в душе.

Тут темные изящные пальцы господина коснулись ее губ, и, подняв голову, Красавица увидела на его лице улыбку.

– Я покажусь вам суровым и жестким, до невозможности жестким, – тепло сказал он. – Но теперь вы знаете, почему, и должны это понять. Вы принадлежите Лексиусу, главному управляющему при дворе султана, и вы не должны его подвести. Теперь говорите, все разом...

И ему ответили хором:

– Да, господин.

Красавица различила даже голос своенравного беглеца Лорана, который, как и все, не помедлил с ответом.

– А теперь я поведаю вам еще одну истину, крошки. Вы можете принадлежать самому Высочайшему повелителю, или султанше, или чистым и блистательным женам гарема... – Он выдержал паузу, словно подождая, пока его слова упадут на благодатную почву. – Но по-настоящему, в первую очередь, вы принадлежите мне – как никому другому. И именно я буду наслаждаться всяким наложенным мною наказанием. В этом моя суть, как ваша – в том чтобы служить. И, что касается рабов, я склонен лакомиться всеми теми же сладостями, что и мои хозяева. Скажите, ясно ли вам это...

– Да, господин!

Страстным выдохом вырвались эти слова из уст Красавицы. Ее ошеломило все, что он им только что сказал.

Тем временем господин повернулся к Елене, и та явно содрогнулась, хотя не отвела от него уверенного взгляда и ни на йоту не отвернула лицо. Красавица смотрела, как Лексиус переминает пальцами прекрасные груди другой принцессы. Как сейчас позавидовала она высоким упругим персям Елены с острыми темно-абрикосовыми сосками! И еще больше ее задело то, что Елена при этом томно, словно в сладком забытии, застонала.

– Да-да, именно так, – обронил управляющий тем же проникновенным голосом, которым он недавно говорил и с ней. – Вы будете извиваться от моих прикосновений. И будете корчиться и выгибаться от прикосновений любого другого господина или госпожи. И готовы будете всецело отдаться тому, кто только одарит вас взглядом. Вы будете ярко пылать своей страстью, точно факелы во мраке!

И снова пленники хором ответили ему:

– Да, господин!

– Видели ли вы то великое множество рабов, что повсюду украшают этот дворец?

– Да, господин.

– Вы выделите себя из этого выкрашенного золотом стада своей необыкновенной страстью, редкостным послушанием и тем, что в вашей молчаливой податливости будет клоко-тать целая буря чувств!

– Да, господин.

– А теперь, пожалуй, приступим. Для начала вас как следует очистят, и вы сразу приметесь за работу. При дворе знают, что прибыли новые рабы, так что вас там уже ожидают. И ваши рты вновь будут запечатаны. Даже при самом безжалостном наказании вы не должны

их размыкать, не смея издавать ни звука. И пока вам не прикажут иного, вы должны ползать на четвереньках, приподняв зад и низко опустив голову, едва не касаясь лбом земли.

Управляющий прошелся вдоль ряда притихших рабов, еще раз оглядывая каждого и поглаживая по волосам, надолго задержался в задумчивости возле Лорана. Затем внезапным движением руки Лексиус отправил того к дверям, и Лоран пополз в точности, как было велено, едва не задевая лбом мраморный пол. Туземец тронул плетью задвижку, и принц тут же ее отодвинул.

Тогда господин с силой потянул за висевшую рядом веревку звонка.

Обычай очищения

Не прошло и минуты, в комнату явились грумы и быстро препроводили невольников уже по другому коридору в большую и теплую купальню.

Посреди изящных тропических, радующих разноцветьем растений и величавых пальм Красавица увидела местами густой пар, что поднимался из мелких ванн, устроенных в мраморном полу, и ощутила аромат трав и пряных благовоний.

Однако от всего этого великолепия ее увели в отдельную крошечную каморку. Там девушку поставили, широко раздвинув колени, над глубокой круглой выемкой в полу, в которую из потайных трубок стремительно бежала вода и непрерывно отводилась со дна.

Красавицу с заведенными за голову руками снова уперли лбом чуть не в самый пол. Воздух вокруг был жарким и очень влажным. И тут же теплая вода и мягкие щетки принялись за дело, старательно намывая девушку.

Вся эта процедура была проделана куда с большей скоростью, нежели ее когда-то купали в замке. Спустя каких-то несколько мгновений принцесса была уже надушена и вся умащена, и после ласковых прикосновений мягких полотенец ее лоно томно сжималось.

И хотя, казалось бы, все было закончено, ей все же не велели подняться. Напротив, жестко похлопав ее ладонью по затылку, девушке приказали стоять над чашей не шевелясь, и сверху она слышала какие-то странные звуки.

Очень скоро она почувствовала, как некая металлическая трубка медленно входит ей в вагину. И тут же ее лоно, так долго ждавшее этого сладкого момента проникновения – чего бы то ни было! – набухло, засочилось... Красавица знала, что это нужно всего лишь для ее промывки – с ней такое уже проделывали, – но все же с радостью приняла в себя плотный фонтанчик воды, внезапно ворвавшийся в нее с восхитительной упругостью.

Почти сразу ее испугало непривычное прикосновение пальцев к ее анусу. Чем-то жирным смазали отверстие, и все ее тело разом напряглось, хотя желание плоти сделалось сильнее вдвое. Руки слуг крепко ухватили девушку за ступни чтобы она уж точно не могла сдвинуться, – и Красавица слышала, как грумы пересмеиваются, что-то живо обсуждая.

Потом что-то маленькое и твердое просунулось в ее анус и стало уверенно пробираться глубже. Сжав губы, чтобы не обронить ни звука, Красавица резко вздохнула. Мышцы ягодиц стали сами собой сжиматься, сопротивляясь вторжению, однако от этого по всему ее телу прокатилась лишь новая сладострастная волна. Поток воды, вливавшийся ей в вагину, иссяк, и стало безошибочно ясно: теперь теплая струя направлялась в прямую кишку. Однако влага не вытекала оттуда, как подмывальные воды, а наполняла низ живота со всевозрастающей силой, между тем как чья-то сильная рука крепко стискивала девушке ягодицы, не позволяя выпустить эту воду.

Красавице казалось, будто разом наполнилась жизнью целая область ее тела, та часть, что еще ни разу не подвергалась экзекуции и куда никто не проникал. Между тем вливавшийся поток делался все сильнее и сильнее. Ее разум протестовал против вторжения в тело таким невероятным способом, словно крича, что она не смеет так беспомощно допускать это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.